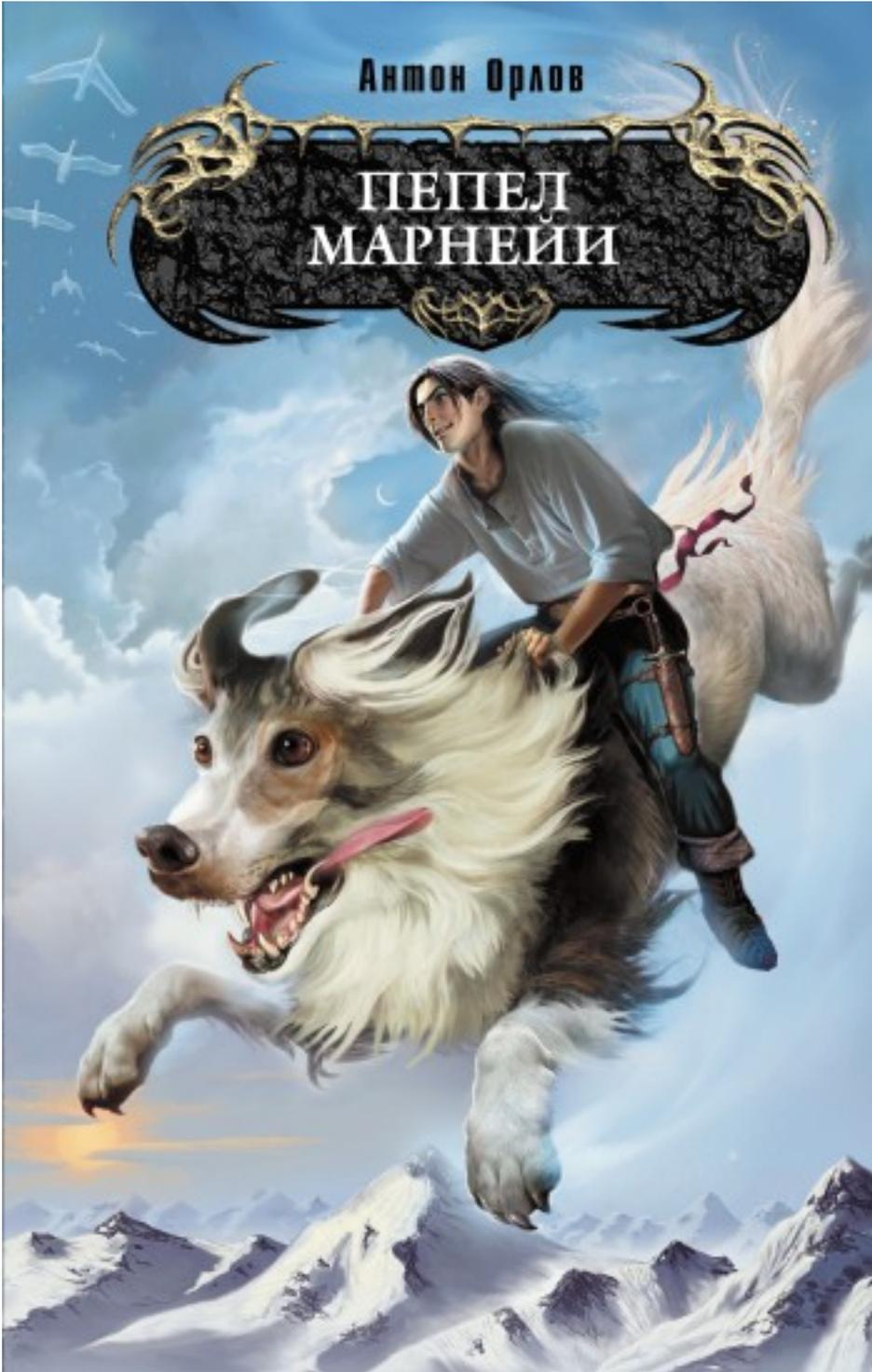

Антон Орлов

ПЕПЕЛ
МАРНЕЙИ

Антон Орлов
Пепел Марнейи
Серия «Сонхийский цикл», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=270112
Пепел Марнейи: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39274-2*

Аннотация

Разборки между могущественными магами привели к катастрофе: мир Сонхи остался без своего бога-хранителя – Стража Мира. Началась эпоха упадка, из всех щелей лезут потусторонние существа и демоны, чудовищный Живодер терроризирует целую страну, угрожая превратиться в божество насильственной смерти. Простые люди смирились и живут в бессильном страхе, некоторые тщетно зывают к исчезнувшему Стражу Мира, но находятся и такие, кто, несмотря на риск, осмеливается встать на пути у Живодера и его высокопоставленных покровителей...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	35
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Антон Орлов Пепел Марнейи

Глава 1 Морская Госпожа

Предметом дележки стал трясоног, выбравшийся на большой плоский валун возле кромки прибоя. Трясоноги иногда выползают из своих расщелин погреться на солнышке. Желтоватый, под цвет здешнего песка, он распластался на каменном ложе и замер – только хлипкие суставчатые конечности мелко подрагивают, а из-за соседних валунов на него уставились две пары голодных глаз.

Оранжевые глаза с вертикальными щелками зрачков принадлежали хурмунгу – поджарой узкомордой рептилии величиной с теленка. Полная треугольных зубов пасть, мощный и подвижный чешуйчатый хвост. Шкура расцвечена коричневыми, желтыми, терракотовыми пятнами, издали не поймешь, зверь это или куча гниющих водорослей.

Сощуренные серые глаза принадлежали человеку – худому, обросшему, смуглому, одетому в рваную тунику с кое-как нашитыми оберегами и холщовые штаны с заплатами на коленях. На голове бандана, когда-то черная, теперь порыжелая. На поясе, в невзрачных потертых ножнах, кинжал с обмотанной ремешком рукояткой.

Хурмунги испокон веков охотятся на трясоногов. Пищевая цепочка, даже в учебниках для школяров так написано. Этот ящер учебников не читал, но не собирался уступать добычу двуногому разбойнику, вторгшемуся на чужую территорию.

У человека ныло в желудке, моментами кружилась голова, так что башни и крыши видневшегося в отдалении города размазывались в знойное мутноватое марево, вроде рисунка на выцветшем гобелене. Третий день не жравши. Он во что бы то ни стало должен добыть этот кусок мяса.

Вытащив кинжал с черным, в муаровых переливах, клинком, он рванулся вперед. Хурмунг, разъяренный такой наглостью, тоже прыгнул. Только теперь трясоног беспокойно засучил конечностями, но было поздно. В кущах мелководья, среди осклизлых камней и водорослей, его сородичи шныряют так, что нипочем не поймашь, а на суше это создания – из самых неповоротливых.

Чудом избежав клацнувших в воздухе зубов хищной рептилии, оборванец левой рукой схватил добычу, а правой начал остервенело кромсать воздух перед чешуйчатой мордой. От ударов страшного хвоста его прикрывал валун.

Такой оборот хурмунга озадачил, хотя и не настолько, чтобы забыть о главном. Ящер заревел, раздул шейные мешки, пугая врага, и вцепился когтистой трехпалой лапой в голову трясонога.

Каждый тянул трепыхающуюся жертву к себе. Человек думал о том, что, если он опять останется несолоно хлебавши, это будет начало развязки, постепенный околеванец. Отчаянная мысль придавала ему сил. Рассвирепевшая рептилия тоже не собиралась отдавать свое, пусть ее и приводило в замешательство гипнотическое мельтешение тускло взблескивающей черной штуковины. Сунулась ближе, но сразу пришлось отдернуть рассеченную до крови лапу. И хвост в ход не пустишь: им сейчас можно только шлепать по воде, баламутить ил да ударять о нагретые бока валунов, оставляя мокрые пятна, а противника из такой позиции не достать.

Кончилось тем, что трясоног с хрустом и пронзительным писком порвался напополам. Конкурентов отбросило друг от дружки. Потом у хурмунга включились рефлексy: добыча – вот она, охота завершена! Ухватив свой кусок зубами, он заковылял прочь, злобно урча и роняя капли крови из порезанной лапы.

Оборванец двинулся в другую сторону. Его шатало, на схватку ушли последние остатки сил, однако бдительности он не терял. В окрестностях найдется немало желающих отобрать еду: другие такие же нищелроды, хурмунги, чайки, одичавшие псы. Говорят, иногда здесь слоняются даже неприкаянные утопленники.

Он озирался и держал наготове нож, хотя вокруг было пусто. Посреди ровного тусклого пляжа громоздилась куча камней. Когда солнце поднимется выше, все тут как следует раскалится, хоть яичницу жарь, но он не мог столько ждать. Смахнув песчинки, разложил тушку, приступил к разделке – осторожно, чтобы не выщербить лезвие о поверхность камня. Черный муаровый клинок стоил изрядно, однако расставаться с ним человек не хотел. До того как застрять на голодном острове Ивархо, он мотался по всему свету, побывал даже в Подлунной пустыне на руинах Марнейи, там и нашел этот кинжал. А может, наоборот, – кинжал его нашел и попросился в руки.

Один восторженный песнопевец из далекого рийского города Улжето, с благоговением рассмотрев «настоящее марнейское оружие эпохи войн Тейзурга и Унбарха», даже высказал предположение, что это, наверное, нож Хальнора Проклятого. *Тот самый*. Подавив усмешку – чтобы не задеть ненароком чувствительную творческую натуру, – хозяин раритета возразил, что сего никак не может быть. Хальнор, пусть и прожил на тот момент, в текущей инкарнации, всего семнадцать человеческих лет, все-таки был магом немереной силы и в придачу кем-то вроде бога. Он хорошо разбирался в таких вещах. На беду для себя и всего мира Сонхи – слишком хорошо. Он засадил себе в сердце ритуальный клинок, на котором мертвенным огнем пылали руны Смерти, Забвения, Потери и Проклятия. Ну хоть бы одна сволочь догадалась его остановить! Если бы догадалась, многое сейчас было бы иначе.

Кинжал, с помощью которого оборванец в выгоревшей бандане торопливо разделявал отбитую у хурмунга добычу, был обыкновенным боевым оружием. Отменно сработанным – это да. Под оплетающим рукоятку ремешком пряталось миниатюрное клеймо в виде причудливого змеистого узора: сделано в мастерской, принадлежавшей Тейзургу Золотоглазому – и рядом личное клеймо оружейника.

Мясо у трясонога нежное, сладковатое и немного студенистое. Охотник съел все, что годилось для человеческого желудка, даже мягкие хрящи разжевал. Теперь можно вернуться в город и поискать какую ни на есть работу, за которую сколько ни на есть заплатят. Теперь у него хватит на это сил.

Дорога петляла среди прошлогодних мусорных куч и заброшенных огородов, заросших чахлундой, голенастым сорняком с колючими сизыми листьями. Выпалывать чахлунду себе дороже: и руки, и лицо враз покроются кровоточащими ранками – невидимый народец, обитающий в иззелена-желтых бутонах, похожих на миниатюрные вилки капусты, набросится на вредителя, как осиный рой. Маги, способные найти управу на эту напасть, заламывают такие цены, что дешевле собрать свой скарб и перебраться на жительство в другое место. Большая часть ивархийских крестьян так и поступила.

Из зарослей всепожирающего сорняка выглядывали обветшалые домишки. Была здесь и часовня Камышового Кота – небольшое строение с вырезанной из дерева рысьей головой на коньке двускатной крыши. Краска облезла, голова потемнела, но до сих пор видно, что неизвестный мастер работал с любовью: и глаза раскосые, и кисточки на ушах, все как полагается. Если б еще от его стараний был какой-нибудь толк...

Оборванец отворил заскрипевшую дверь. Раньше, до нашествия чаклунды, здесь обычно стоял кувшин с водой для прохожих людей. Жители деревни считали, что Стражу Сонхийскому это должно понравиться.

Пусто. А на что он надеялся, если по соседству давно никто не живет, кроме птиц, ящериц и насекомых?

По стенам часовни висели расписные дощечки: история про Хальнора, Унбарха и Тейзурга, изображенная в картинках, чтобы даже неграмотный все понял. На горящую Марнейю не пожалели киновари – пылает маковым цветом. Душно, пахнет нагретой древесиной, зато тень. Человек дождался, чтобы солнце миновало зенит, даже немного подремал, растянувшись на прелых циновках, потом отправился дальше.

В городе его первым делом попытались ограбить. Подскачили в пыльном переулке на задворках Рыбного рынка, между благоухающим селедкой забором и многоэтажным стеклянным кошмаром, выросшим здесь полгода назад.

С него нечего было взять, кроме ценного ножа – и этим ножом он прирезал обоих грабителей. На правах победителя обшарил трупы, но с них тоже нечего было взять, не считая нескольких медяков.

Сонный дом злорадно сверкал своими стеклами, словно заходил в беззвучном хохоте. Когда он появился, Хамфут Дождевик обещал недурную награду добровольцам, которые согласятся побывать внутри, однако после двух-трех смертей новых желающих не нашлось. Что характерно, маги избегают лезть первыми в сонные дома. Посылают наперед какого-нибудь дурня, а уж потом, если тот вернется живым и внятно отчитается о своих впечатлениях, отправляются на разведку сами. Там можно пропасть ни за грош. Работу такого сорта найти недолго, да что-то не хочется.

За рынком начинались жилые кварталы: здания из светлого ракушечника, с тронутыми ржавчиной железными балконами и выщербленными карнизами, напоминающими скорее лишай, чем декоративную лепнину. Тоже многоэтажные, но построенные людьми. Не из тех, что вырастают в одночасье сами собой.

Нельзя сказать, чтобы тут царил запустение, а все же было далеко не так оживленно, как в пору процветания острова Ивархо.

– Джунго, немытая свинья задница, если ты еще раз поставишь свою колымагу у меня под балконом, услышь меня Хальнор, я на нее помой вылью и все дерьмо из ночных горшков, потому что не хрен ее тут ставить! Понял меня или нет?!

– Я тебе самому все это на репу вылью, услышь меня Хальнор, а моя колымага где стояла, там и будет стоять, хоть ты у себя на балконе весь на ор изойди!

– Думаешь, я на тебя, поганца, управы не найду? Я дойду до кого надо, потому что имел я твою колымагу вместе с одром, услышь меня Хальнор, а ты с незаконного извоза налогов не платишь и экипаж ежедневно не моешь, как по закону положено! Не хочешь уступить по хорошему, ответишь по всем статьям!

– Ах ты дохлая крыса, чтоб тебе демоны задницу порвали! Сам у себя на четвертом этаже развел подпольный курятник и тоже налогов не платишь, услышь меня Хальнор, твои куры уже весь дом задрали, особенно по утрам!

Пробиравшийся мимо прохожий в линялой бандане подумал: если бы сгинувший Страж Мира и впрямь их услышал, он заткнул бы уши и поспешил убраться отсюда подальше. Да только никого он не слышит, вот уже без малого тысячу лет. Ловит мышей и зайцев, подстерегает в камышах болотных птиц, отлеживается в темной норе, и ничего ему больше не надо.

Трактир Груве прятался в глубине гулких грязных дворов, пропахших псиной и тухлятиной. Кому надо, тот найдет. Дома стояли вперемежку, сонные и рукотворные – и те и другие одинаково обшарпанные. Большинство здешних сонных домов принадлежало к катего-

рии неопасных, железной нежити там не водилось, поэтому их давно уже окультурили и заселили.

Говорят, жильцы-освоители неплохо зашибают, но работа рискованная: вдруг хоромина окажется хищной? Впрочем, он готов был согласиться даже на это.

Пришлось дожидаться, когда Груве до него снизойдет. Иерархия. Он бесполезный неудачник, последний из последних. Спасибо, что не гонят.

Посетителей в заведении было не много и не мало. Люди такой наружности, что совсем не хочется оказаться у них на дороге. Задубевшие, под стать своим шхунам, тролли-моряки. Существа из тех, кого называют демонами – одно тигровой окраски, другое мучнисто-белое, с длинными голубыми ресницами, эта парочка сидела особняком и платила золотом.

Оборванец выпил полтора стакана холодного темного чаю без сахара. Добытых в закулке за Рыбным рынком медяков хватило ровно на это. Наконец к нему подошла разбитная соплячка с глазами многоопытной мошенницы и сообщила, что хозяин с ним потолкует: две минуты, не больше, если речь о ерунде – пеняй на себя.

– Я ищу работу, – тон не должен быть ни просительным, ни заносчивым. – С поденной оплатой или с авансом. Не будет чего-нибудь?

– Кое-что есть, – похожий на добрую пухлощеку старушку Груве кивнул и заговорщически прищурился. – Демонов в зале видел? Им нужны люди, парень и девка. Ну, сам понимаешь, зачем... Добровольцы, это ихнее обязательное условие. Шлюшку уже нашли, а парня пока нет. Заплатят, сколько за пять лет не заработаешь.

– И на всю оставшуюся жизнь покалечат.

– Каждое увечье будет оплачено отдельно, по хорошей таксе. Эти не поскупятся.

– Ага, конечно. Что-нибудь другое.

– Ну, если тебя интересные предложения не интересуют, можешь сходить в стеклянную домовину за Рыбным рынком. Там шестнадцать этажей, план каждого с описанием – полторы тысячи в герцогской валюте, и в придачу я куплю все, чего оттуда вынесешь. Устраивает, а?

– Груве, я знаю, почему эту стеклянную хрень прозвали домовиной. Там же никто не прошел дальше вестибюля! Мне нужна нормальная работа – чтобы сделать, что скажут, остаться в живых и получить деньги. Я еще не готов отправиться на тот свет.

– Привередливый ты, Гаян, – Груве по-старушечьи вздохнул и покачал головой: – Жуть какой привередливый, сам себе враг. Оно-то и довело тебя до жизни такой.

На дверь, однако, не показал. Значит, есть еще варианты, по меньшей мере один. Тот, кого называли Гаяном, терпеливо ждал.

– Продай нож.

– Не могу, он заклятый. И мне будет беда, и тому, кто его купит или отнимет. Иначе давно бы уже загнал.

Это была ложь, но до того привычная, что Гаян произносил ее, как правду, и собеседники не сомневались в его искренности. Такой же ложью было его степняцкое имя. Он два с лишним года прожил среди кажлыцких кочевников, тогда и стал Гаяном. Внешность вполне себе подходящая: смугловатая кожа, темные волосы, резко очерченные скулы, а что глаза светло-серые – от матери достались, кажлыки откуда только не тащат к себе в юрты женщин. Их языком Гаян владел в достаточной степени, чтобы любой встречный, не принадлежащий к их народу, принимал его за кажлыка-изгнанника, нахватавшегося вершков цивилизации.

– Ну, вот тебе последняя работенка, ежели не считаешь ее слишком грязной для своего незамаранного сиятельства, – Груве сделал многозначительную паузу, но так и не дождался от Гаяна никакой эмоциональной реакции. – Дело для нетрусливых ребят. Хамфут Дождевик в конце того месяца продал мне окультуренную сонную хоромину на Свиной горке. Может, слышал об этом?

– Меня здесь не было.

С середины прошлого месяца он жил дикарем – собирал моллюсков, ловил трясоногов и крабов, спал под открытым небом или в заброшенных хибарах. Не сказать, чтобы это было более сытое существование, чем в городе. Почти весь Ивархо пришел в упадок, а зажиточные приморские деревни, промышленяющие рыболовством, добычей съедобных водорослей и ловлей жемчуга, бродяг на свою территорию не пускают. Неподалеку от Костяной косы Гаяна чуть не затравили собаками, пришлось спасаться вплавь.

– Дом-то хорош, с волшебным освещением и холодным шкафом, то да се, и Дождевик уступил его по сходной цене, а я собирался побелить-покрасить да перепродать, уже и с покупателем сторговался... – Рассказчик снова сделал паузу. – Прощельга этот Хамфут. Люди говорят, в Ругарде его исключили из Гильдии Магов за шельмовство, и я теперь не думаю, что это поклеп. Дом-то оказался с лифтом! Всего три этажа, откуда бы взяться этой пакости? Однако же взялась. До поры себя не проявляла, а потом слопала служанку из моих, которые там чистоту наводили. Я к Хамфуту: раз так – расторгаем сделку, а он якобы в первый раз слышит, что за дом, и чего мне надо, и какие деньги... Вот уж подложил мне свинью на Свиной горке!

«Ага, ага, а то ты сразу не просек, что дом с лифтом! Дождевик уступил его за полцены, и ты никак не мог взять в толк, с чего такая щедрость – что-то в этом роде? Ты с самого начала все понял и рассчитывал, что проканает, но служанка пропустила мимо ушей твои предостерегающие намеки и сунулась куда не надо, а ее товарки растрезвонили об этом раньше, чем ты успел их припугнуть. Теперь обличаешь подельника, рассказываешь эту историю всем подряд – даже таким, как я! – чтобы поскорее разошлись нужные тебе сплетни. Хорошо, мы это выслушали, и что дальше?»

Вслух Гаян заметил:

– Досадный случай.

– Досадней всего то, что Хамфут не хочет возместить ущерб. Он маг, он должен был изучить и окультурить сонный дом, убедиться, что там ничего опасного, и уж после продавать. Я верно говорю, так ведь, Гаян?

Гаян кивнул:

– Верно.

– То-то и оно. Теперь я собираю парней, которые внушат Дождевику, что он не прав, и уломают его вернуть мои деньжата. Я хочу получить назад свое, это будет по-честному. Оплата посредникам – десять процентов от той суммы, которую он отдаст. Чем больше стрянете, тем больше вам достанется. На время переговоров харчи, выпивка, амулеты, оружие – за мой счет. Согласен?

«Интересно, много ли посредников ты уже наwerbовал? Для того чтобы подрядиться терроризировать мага, пусть даже такого завалящего, как Хамфут Дождевик, надо проиграть в карты последние мозги».

– Подумаю. До завтрашнего утра, ладно? Он же все-таки колдун какой-никакой... Не угостишь куском хлеба? Я так или иначе отработаю – пол подмету, помои вынесу.

– Не угощу, – голос Груве стал жестким. – Вот надумаешь что-нибудь завтра утром, тогда посмотрим насчет куска.

Гаяну ничего не оставалось, кроме как кивнуть и выйти вон. Так и не научился попрошайничать. Может, если бы сумел взять верный тон, подъехать так или эдак, подпольный воротила расщедрился бы на миску позавчерашней баланды?

Демоны, тигровый и белый с хищно шевелящимися лазоревыми ресницами, проводили его до дверей зала задумчивыми взглядами. От этого стало совсем тошно.

Длинная пыльная улица с вымирающими лавчонками на первых этажах шла под уклон. Местами из разбитого тротуара выпирали, словно ребра, марши ступенек, до того истертых,

что лучше бы их тут вовсе не было. Гаян подумал: будь он по-настоящему, до полуобморока, голоден, легко бы на этих лесенках навернулся. Спасибо утренней охоте.

Предвечернее солнце золотило окна и тусклые витрины, булыжники изношенной мостовой, дверные ручки, дешевую бижутерию на прохожих (только сумасшедший или демон будет разгуливать по этим улочкам, нацепив дорогие украшения).

Из-за поворота пахло сыростью. Проулок, залитый ошеломляющим медовым сиянием – словно врата в блаженную страну, где все живут долго и безбедно – вывел к скопищу ветхих глинобитных сараев с черными дырами вместо окон и дверей. Среди них затесалось несколько добротных построек, увешанных амбарными замками, как новогоднее Дерево Изобилия монетами на ленточках.

За развалюхами простирался топкий пустырь, заросший осокой. Обычная картина. Если природные условия позволяют, без трех-четырех заболоченных участков по окраинам города никак не обойдется, но чего и ждать, если за Стража в этом мире – камышовый кот? Наверное, **Он** считает, что болото – самое безопасное на свете место.

Пройдя по расхлябанным дощатым мосткам, проложенным через царство лягушек, тритонов и стрекоз, Гаян выбрался на дорогу, ведущую к пакгаузам.

Берег моря скрывали олеандровые заросли. С другой стороны, за тихим камышовым раем, виднелся город – блеклый, неряшливый, неприветливый. Давно пора уносить отсюда ноги. Это следовало сделать еще в позапрошлом году, но сначала Гаяна держал здесь мучительный и бестолковый роман с Фианой Элжено, субреткой Ивархийского театра Драмы и Пристойной Комедии (она давно уже смылась, кто-то из поклонников ее увез), потом он страдал по поводу разлуки, отринув презренные житейские проблемы, потом, пока еще водились деньги, всячески оттягивал тот момент, когда надо будет взойти на борт корабля... Вот и дооттягивал. Теперь ему с Ивархо не выбраться. Он мог бы уплыть на материк пассажиром: всю дорогу лежать пластом, и чтобы кто-нибудь из obsługi уносил-приносил тазик, но этакая роскошь стоит недешево. Из-за патологической подверженности морской болезни ему не светит наняться на судно матросом. Даже если возьмут вдругорядь, после скормят акулам или продадут работоторговцам, и поделом.

Надо раздобыть денег. Игры демонов. Участие в войне Груве против Хамфута Дождевика. Посещение смертельно опасного сонного дома. Варианты один краше другого.

Стеклянная хоромина царственно торчала над крышами, лоя отблески сползающего за пакгаузы светила. Все идет к тому, что очень скоро Гаян там побывает. Он для этого почти созрел. Во всяком случае, против двух альтернативных вариантов бунтовали остатки его гордости, никчемной, истерзанной, но все еще живой.

Выторговать у заказчика приличествующую заданию экипировку и полный набор защитных амулетов. В конце-то концов, это в его интересах, чтобы домопроходец вернулся живым! Что будет внутри, в общих чертах известно: лифты, железная нежить, цветные призраки, зубастые лестницы-каталки, воздушные ловушки... Как утверждают бывалые домопроходцы, главное – не забывать о том, что все это, по крупному счету, ненастоящее. Обман реальности. То, чего здесь и сейчас быть не должно. На самом деле все это просто-напросто снится в нескончаемых кошмарах камышовому коту, который когда-то был человеком по имени Хальнор, а еще раньше, говорят, богом-хранителем мира Сонхи.

Если сумеешь поверить в то, что в этих осколках инородной реальности нет ничего ужасного, напасти сонного дома тебя не тронут. Только верить надо по-настоящему, ни на полущку не сомневаясь. Гаян не знал, правда это или нет, но по-любому не принадлежал к числу тех полоумных счастливицков, которым что сонный дом, что портовый кабак – никакой принципиальной разницы.

Не сразу обратил внимание на мокрые следы. Точнее, заметить-то заметил, но вначале не уловил, что с ними что-то не так.

Справа, за гущей олеандровых зарослей, склон обрывался, ниже тянулись узкие каменистые пляжи, заваленные обломками размокших досок, плетями пахучих водорослей, раковинами в известковых фестонах, рыбьими скелетами и прочими дарами прилива. Кое-где за кручу цеплялись старые каменные лесенки без перил – грезы самоубийцы. Ими редко кто пользовался. Невелики шансы найти внизу что-нибудь стоящее, а свернуть себе шею – запросто. По слухам, эти лестницы сохранились еще с тех времен, когда Унбарх с Тейзургом воевали, будь оба неладны.

Неширокий просвет в ядовитой зелени – проход к ступенькам. Следы вели оттуда, их сопровождали мокрые кляксы: словно кто-то искупался прямо в обуви и одежде, а после поднялся наверх и пошел по дороге к пакгаузам, причем с него в три ручья бежала вода. Или с нее. Судя по размеру ноги, это скорее женщина или ребенок, чем взрослый мужчина.

Теперь Гаян припомнил, что видел издали одинокую фигурку, бредущую в ту сторону. Она уже скрылась за первой из длинных построек с наклепленными под застрехой птичьими гнездами, похожими на комья бурой глины.

Сам не зная почему, он ускорил шаги. Слишком медленно высыхают эти следы, вот что странно. И воды столько, словно их обладательницу несколько раз окатили из ведра. В лужицах копошилось что-то мелкое, едва различимое.

Склонившись над мокрым пятном, Гаян сощурился: крохотные стекляннистые рачки, но их становится все меньше – исчезают, как будто превращаются в капли влаги. Защита от пересыхания. Одно из двух: или какое-то морское чудовище пошло гулять по берегу, или... Он выпрямился и бросился бегом, огибая пакгауз. Если первое «или» – ничего страшного, он успеет сбежать, обитатели моря, исключая амфибий, на суше медлительны и неловки, а если второе – ему несказанно повезло. Лишь бы никто не опередил.

Заброшенная часть пришедшего в упадок ивархийского порта. Двери складов заколочены крест-накрест гнилыми досками. Ни одного прохожего, только птицы на загаженных крышах да плетется вдоль стены старая худая собака, похожая на гиену – она шаркнулась от выскочившего из-за угла человека и зарычала, показав пожелтелые клыки.

Вялый шум порта доносился издали, с той стороны, где небо постепенно окрашивалось в миндально-розовый.

Обогнув строение из серого кирпича, которое в придачу к ласточкиным гнездам могло похвастаться пучками колосающейся травы на крыше, Гаян спугнул еще двух собак, чуть не запнулся о гниющую посреди мостовой овечью голову, миновал шаткий штабель грязных пустых ящиков, снова повернул – и наконец-то увидел *ее*. Свой счастливый билет на материк.

Она была невысокая, полная и широкобедрая, в насквозь мокрым платье, облепившем бесформенную расплывшуюся фигуру. Влажные длинные волосы цвета слоновой кости. Округлое лицо, светлые брови и ресницы, прямой носик, маленький рот. Молочно-белая кожа. Слезающиеся от непривычной сухости голубые глаза смотрят по-детски бесхитростно и в то же время непримиримо. Ясно, что она хочет крови. И ясно, чьей. И наверняка не постоит за ценой.

Пониже уха воспаленный розовый рубец длиной в полпальца, такой же должен быть с другой стороны: это зарастают жаберные щели. Позже на их месте останутся неприметные белесые шрамы.

Увидев Гаяна, она несколько раз моргнула, взмахнула руками, отчего с широких рукавов, расшитых по краям жемчугом и кораллами, закапала вода, и неуклюже попятилась.

– Госпожа, я хочу предложить вам помощь.

– А-а-а... Иы-ы-ы...

Вырвавшиеся из горла звуки напоминали мычание глухонемого. Замолчав, она испуганно прижала к щекам ладони.

– Не волнуйтесь, это пройдет, – снова заговорил Гаян, обливаясь потом и от недавнего бега, и от страха упустить инициативу. – Просто вы отвыкли пользоваться человеческой речью. Вы провели под водой десять лет?

Она кивнула. Все понимает, умом не тронулась. Уже хорошо.

– Идемте, я провожу вас в гостиницу. Вам надо снять номер с ванной и привыкать к жизни на суше постепенно. Скоро вы опять научитесь говорить. Я сейчас нахожусь в стесненных обстоятельствах, полудохлый от голода, но, если меня хорошо кормить, гожусь в охранники. Прошу вас, возьмите меня на службу. Я не замышляю ничего плохого, океан свидетель, и пусть меня растерзают ваши дети, если это не так.

Мокрая женщина с волосами цвета слоновой кости снова кивнула и протянула ему мягкую, как тесто, руку. Она разучилась не только членораздельно разговаривать, но и ходить по твердой земле. Ковыляла по-утиному, вперевалку, приволакивая ноги. К тому же на поясе из золотых звеньев с перламутровыми вставками висел тяжелый, заскорузлый от морской воды кошель. Как еще по лестнице вскарабкалась... Впрочем, ее, наверное, проводил до дороги кто-нибудь из *детей*. Гаян слышал, что в воде эти бестии плавают, как рыбы, а на суше скачут и дерутся, как лучшие из воинов. Самая опасная разновидность амфибий. Что им какая-то лестница!

Обитаемая территория. Поддерживая одной рукой нетвердо ступающую спутницу, он расстегнул ножны, чтобы в случае чего сразу вытащить кинжал. Встречные глазели на странную пару, однако никто не лез. Насчет своего грозного вида Гаян не обольщался. Скорее, жители Ивархо и моряки с чужих кораблей быстро догадывались, что за женщина идет с ним рядом, еле переставляя отвыкшие от ходьбы ноги, и не было желающих связываться с ее *выводками*.

Кое-как дотащились до площадки для экипажей. Три-четыре отощавших клячи, остальная тягловая сила – ишаки: они, в отличие от лошадей, охотно едят чахлунду, и невидимый народец их не трогает. Гаян посадил свою даму в коляску с откидным верхом.

Гостиница «Островная корона» – самая дорогая и уважаемая из ивархийских заведений такого рода. Правда, в последнее время ее уважаемость дала трещину, поскольку из-за вышеупомянутой дороговизны селятся там главным образом демоны. Та еще публика, особенно по части приличий. Но только в «Короне» можно снять апартаменты с ванной, а для Лиум это сейчас насущная необходимость.

Она все-таки сумела представиться. Когда ехали в коляске, потянула Гаяна за край грязной туники, показала на себя и, выкатив от напряжения круглые глаза, с трудом выдавила:

– Л-л-и-и-у... Л-и-и-уммм...

– Лиум, да? Это ваше имя?

Кивнула.

– Я понял. Но вы, госпожа Лиум, лучше не пытайтесь разговаривать через силу, а то можете порвать голосовые связки. Потерпите немного.

На этот раз замотала головой, протестующее колыхнулась всем телом. В тесном пространстве коляски с поднятым верхом от нее разлило рыбой и морем, как от только что вытщенного невода с уловом. Возвращение человеческого запаха – тоже вопрос времени.

Вестибюль «Островной короны» украшали инкрустации из перламутра и дерева, изображающие битвы кораблей с морскими змеями. Под потолком переливалась хрустальная многоярусная люстра на сотню свечей. Лиум уставилась на это, как на чудо. Девчонка из рыбацкой деревни – кем еще она может быть? – вряд ли видела раньше что-нибудь подобное.

Гаян держался уверенно и люстрам не удивлялся. Пусть он в своей бандане и залатанных портках выглядел оборванцем из оборванцев, зато успел насмотреться на роскошь во всех ее проявлениях.

– Приготовьте для госпожи ванну с подогретой водой и морской солью. И пошлите за знахарем. Для меня тоже ванну, хороший кусок мыла, чистую одежду – штаны и рубашку. Но сначала обед, все, что есть: суп, жареное мясо под соусом с тушеными кабачками, омлет, пиво, десерт, холодные закуски... В общем, давайте все!

Гостиничный приказчик выслушал распоряжения с самым невозмутимым видом. Вышколенный попался.

Лохматый тощий подросток, сидевший в одиночестве возле белой стены, знал о себе наверняка только две вещи. Во-первых, он совсем пропащий. Во-вторых, если он найдет дорогу в город Танцующих Огней, дальше все будет в порядке.

Банда его сверстников, расположившаяся напротив, знала о нем гораздо больше.

Он обитает в той части Эонхо, куда человеку лучше не соваться – в *сонных кварталах*, и чувствует себя там, как дома. То, что для других смертельно, ему хоть бы хны. Откликается на имя Рис. Шесть лет назад его выкинули из Школы Магов, где он проучился три года. Как неспособного, дураки потому что. Этот Рис – нехилый маг-провидец из тех, кто заранее чует беду и может сказать, выгорит дело или нет, еще до того, как за это дело возьмешься. После школы его пристроили приемышем в семью из приличных, но через полгода он оттуда сбежал и с тех пор вел жизнь беспризорника. Он вообще мастер смываться, его даже кургузы ни разу не ловили. Пацаны из банды расселись полукругом, чтобы отрезать ему путь к отступлению, а то вдруг еще драпанет до окончания разговора.

– Рис, мы тебе новую обувь принесли и всякой жратвы. Во, полная сумка, – дипломатично шмыгнув носом, заговорил Ференц Берда, внук и наследник главаря Нижнереченской группировки. – Дед наказал по-любому тебе это отдать, тока ты сперва меня выслушай. Дельце одно будет, хапанцы такие, что все разбогатеет, и тебя, значит, в долю зовем...

– Чего надо? – блеснув из-под волос темными глазищами, спросил Рис.

Голос у него по жизни сорванный, что случись – даже заорать как следует не сумеет.

– Фартовое дельце наклюнулось – подтибрить одну бабскую тряпку, которая стоит, как целый дом с балконами и статуями.

– Что за тряпка?

– Ну, эта самая, плева... плевери... Моднющая такая... Труди, как ее там?

– Пелерина, – подсказал жожаку Труди, который лучше всех запоминал культурные словечки.

– Ага, пелерина! Мы ее свистанем, а ты уведешь нас от погони своими путями, через сонные кварталы. Туда за нами ни один дурак не ползет. Потом, когда загоним хапанцы, получишь свою долю. Но это как бы вторая половина, а наперво надо, чтобы ты на месте расчихал насчет будущего – стоит связываться или затея тухлая и дешевле пройти мимо.

– Даже так? – пробормотал Рис.

Нечесанные волосы занавешивали его мордашу почти до середины носа. Как он только что-то видит сквозь эти космы... Или, может, ему и не надо, раз у него магическое зрение? Во всяком случае, на фонарные столбы он не налетал и кургузов замечал вовремя. А на фамильярные попытки отвести челку, чтобы хорошенько рассмотреть физиономию, реагировал, как на самые пошлые поползновения – или кулаком саданет, или даже зубами за руку до крови цапнет. Лучше не трогать. Ференцу однажды повезло: он находился рядом в тот момент, когда порывом ветра длинные патлы Риса отбросило назад – и не заметил ничего из ряда вон выходящего. Никакого уродства, никаких особых примет. Разве что гляделки казались слишком большими для этого узкого бледного лица, а в остальном все как у людей. Возможно, у Риса была причина опасаться, что его опознает кто не надо.

– Эта пелерина вся в брильянтах, если загнать их по отдельности – заживем, как лорды, но можно погореть, вот и просим тебя разведать, не выйдет ли боком, если ее хапнем.

– Чья пелерина?

– Принцессы Лормы, – выложил после заминки Ференц.

В течение некоторого времени Рис сидел неподвижно и молчал, непроницаемый за своей буйной челкой. Потом пробормотал:

– Ничего себе, у вас аппетита.

– Мы все обмозговали. Принцесса два раза в месяц ездит к одной бабке-ведьме, жрице Лухинь Двуликой. Тейзург знает, что у них за ведьмовские дела, но это у нас в Заречье, мы следили. В дом заходит в пелерине, а возле окна стоит без нее – значит, скидывает в прихожей. А через квартал оттуда есть сонные дома, рукой подать. Ты нас там дождешься, мы рванем через дворы, мигом проскочим. Что скажешь?

– Я подумаю.

– Возьми, чего мы тебе притаранили.

Ференц положил перед ним пару новых добротных ботинок и холщовую сумку со снедью. Это немного смахивало на приношение божеству. Рис прямо на месте переобулся, его прежние башмаки вконец изодрались, вот-вот подметки отвалятся. Обувка на нем все равно что горела.

– В пору?

– Ага, – он тряхнул челкой. – Спасибо.

Еще бы не в пору! На заказ изготовили, как для аристократа. В конце осени он как-то раз заночевал на хазе у нижнереченских, и с его узкой грязной ступни сняли мерку (даже не заметил, дрых, как убитый), с тех пор уже третью пару справили, чтоб носил на здоровье. Все по велению хитрого и дальновидного старого Берды. Тот считал, что этого Риса угрозами принуждать к соучастию бесполезно и обманывать тоже нельзя – прогадаешь, его надо приручить, как собаку или кошку.

Ференц не всегда понимал своего деда, но тот неизменно оказывался прав, а кто его не слушал, потом локти кусали. Однажды Рис уже отплатил за добро: на исходе зимы предупредил о грядущем рейде городской стражи, так что не зря его прикармливали и зазывали погреться, ничего не спрашивая взамен. Кабы не то предостережение, всем нижнереченским пришлось бы худо. Старый Берда – самый башковитый из главарей городских банд, он знает, что делает.

Рис поднялся на ноги, пацаны тоже повставали и расступились. Мгновение – и его след простыл.

Вокруг теснились многоэтажные дома с растрескавшейся штукатуркой и мелкими окошками. Мутные коричневые лужи, кучи мусора, нахватавшиеся крысиных повадок зонхийские голуби. Недоброе, словно пеплом присыпанное небо. Пограничная территория между Заречьем и Шестигоркой, если нарваться тут на шестигорских – будет шишка.

– Валим домой, – скомандовал Ференц.

Им пришлось побегать, выслеживая Риса. Он с виду тщедушный и хрупкий, словно не жилец на этом свете, но именно что с виду, а на деле носится, лазает и прыгает – будь здоров. Если прижмет, может с крыши на крышу сигануть, и ни разу еще не сорвался. Эх, какой бы знатный вор из него вышел! Но Рис говорит, что ему нельзя: на нем то ли заклятие, то ли порча, и если от его воровства кому-то станет плохо, он на другой же день помрет страшной смертью. Так что стянуть он может разве что какую-нибудь съестную мелочовку вроде булки или яблока, и то не у всякого. Ференц от всей души его жалел: талант есть, а пользоваться не могли.

Берда велел нижнереченским в случае чего за него заступаться, хотя обычно он успевал улепетнуть раньше, чем начинались неприятности. Правда, один раз не успел. Его тогда скрутили и затащили в подвал трое отморожков самого дрянного пошиба. Что произошло после, никто не видел, но их всех нашли в этом подвале мертвых, с растерзанными глотками.

Рваные раны, следы клыков, как будто напала собака. Или что-то похуже собаки. Рис ничего толком объяснить не мог: вроде он каким-то образом вырвался и убежал, но что за существо атаковало его мучителей – не понял, не рассмотрел. Он потом еще долго ходил перепуганный, шарахался от каждого встречного.

– Гля! – Труды пихнул Ференца в бок, показывая на грязную арку подворотни. – Чего там?

Ференц уже и сам заметил: толпа народу, стоят, галдят, словно что-то стряслось.

Держась ватагой, настороженно зырящая по сторонам, пацаны вошли во двор – вдруг тут можно чем-нибудь поживиться?

Распахнутое окно на первом этаже. В темной полости комнаты гудят мухи. Запах, как в лавке мясника, где рубили сырое мясо. Много сырого мяса.

Внутри кто-то надсадно рыдал, и у всех, топтавшихся во дворе, лица были бледные, как скисшее молоко. Разговаривали вполголоса, как будто боялись, что ветер подхватит их слова и унесет, куда не надо. Среди этих тревожно шелестящих реплик Ференц разобрал: «...ждали в гости дочь с ребятенком, еще вчера были такие веселые, улыбались, собирались лепешек напечь...», – а потом еще имя – Гонбер.

Ну, если Гонбер, все понятно.

От страшного запаха и оглушительного жужжания мух Ференца Берду слегка мутило. Самый младший в банде, Петруш, и вовсе позеленел, того и гляди с завтраком попрощается – он совсем шкет, одиннадцатилетка, да и страшилок о Гонбере Живоdere наслушался по самое не хочу. Как, впрочем, и все остальные.

Никто не знал, кто такой Гонбер по видовой принадлежности – демон или человек, но все были в курсе, что он убийца-живодер, и счет его жертв идет на тысячи, и с ним не раз пытались разделаться, и за его голову обещана не одна зашибенная награда, прикончи его – озолотишься. Откуда он появился, дело темное, но произошло это около тридцати лет назад. Герцог Эонхийский сначала собирался с ним расправиться, а потом неожиданно сменил гнев на милость и взял его под защиту. Неофициально – но этого было достаточно, чтобы за Гонбером с тех пор в открытую не охотились.

Минувшей ночью он убил двух стариков, ждавших в гости «дочь с ребятенком». Наверное, это она сейчас плачет – приехала с утра пораньше, отперла дверь своим ключом и увидела... Ференц мог представить, что она там увидела: лужи крови, по всей комнате внутренности, кишки... А ребятенка, должно быть, увели к соседям.

– Хальнор, да услышь нас, наконец! – запрокинув лицо к холодному пепельному небу, выкрикнула костлявая тетка в заношенном халате и тапках на босу ногу. – Ты же бог, ты Страж Сонхийский! Почему ты все это позволяешь?! Убей изувера, чтоб он подох!

Одни поспешили отойти в сторону, другие предупреждая зашикали: проклятый Страж Мира в своем нынешнем состоянии вряд ли услышит ее вопли, зато герцогские шпики или сам Живоdere – вполне даже могут, и быть тогда глупой старухе следующей жертвой.

Петруша все-таки вырвало. Не его первого, под ногами у понурых зевак уже пестрело несколько растоптанных пятен свежей блевотины.

– Пошли, – сипло позвал Ференц. – Че мы тут забыли... Время задарма тратим.

Когда вышли на улицу, он, сам не зная почему, поглядел вверх – и вздрогнул: неподалеку высился необитаемый сонный дом, и на последнем поднебесном этаже маячила в лоджии, выделяясь на фоне светлой стены, человеческая фигурка. Кто там – Рис, успевший забраться на самую верхотуру? Или Гонбер, который, как рассказывают, тоже может беспрепятственно гулять по опасным хороминам?

Ференц поежился – так, чтобы пацаны не заметили. Ему очень хотелось верить, что сверху за ними наблюдает Рис, а не Гонбер.

Ивархо – большой остров, но это всего-навсего остров, сиречь кусок суши, со всех сторон окруженный водой. Отсюда никуда не денешься. На протяжении последних полутора лет Гаян считал это обстоятельство недостатком, но теперь переменял свое мнение. Тем, кого он подрядился убить, затеряться негде.

Обавия Клаха, старосту деревни Верхние Перлы, он выследил в городе. Тот приехал с товаром: копченая рыба и редкие лекарственные водоросли, все отборное, отменнейшего качества. Каким образом Верхние Перлы десять лет назад расплатились за это качество, Клах, наверное, предпочитал не вспоминать. Меньше помнишь – крепче спишь. Главное, что торговцы с материка такой товар с руками оторвут, а что было десять лет назад, давно уже былъем поросло.

Зажиточный рыбак, степенный и осанистый, глаза табачного цвета прячутся за дряблыми обвисшими веками, словно в засаде. Смоляные, с сединой волосы он заплетал на пиратский манер, брился так, что на щеках и подбородке оставались порезы – не результат криворукости, а дань странноватой местной моде. По ивархийским поверьям, если исполосовать себе физиономию во время бритья, тем самым отведешь более серьезную беду, откупившись от нее малой кровью.

Гаян к этим суевериям относился скептически. Скоро и сам Обавий Клах обнаружит, что ни от чего он своими царапинами не откупился.

Его сопровождал нескладный парень с луково-рыжей косицей и выпирающими лошадиными зубами, судя по ругардийскому выговору – еще одна залетная птица вроде самого Гаяна. При Клахе он выполнял обязанности толмача и советчика по заморским торговым уловкам. Прижимистый ивархиец не хотел продешевить.

Ни тот, ни другой не обратили внимания на смуглого темноволосого мужчину лет тридцати с небольшим, с аккуратно подстриженной бородкой и безразлично прищуренными глазами. Черная шелковая рубашка с красной вышивкой по вороту, шаровары из добротного сукна, на поясе кинжал и кошель. Видно, что не рвань, и на прощельгу не похож. Клаху бы задуматься, а не похож ли этот прилично одетый господин на наемного убийцу, но он решительно не желал вспоминать о том обстоятельстве, которое могло стать поводом для такой напасти. Перспектива грабежа его покамест не пугала: торг еще не завершен, и деньги не переданы из рук в руки, а товар хранится в надежном месте – в пакгаузе под замком.

Гаян, украдкой за ним следивший в переполненном зале гостиничной ресторации, отметил, что староста Верхних Перлов – мужик крепкий и должен неплохо владеть ножом. Очень может быть, что в молодости пиратствовал, у островитян это своего рода отхожий промысел. Зато второго можно в расчет не брать, это не охранник, а цивильный грамотей, к тому же *он не заказан*.

Ресторация оглушала многоголосой болтовней, женскими взвизгами, пиликаньем скрипки, слепила зеркалами в простенках и золотозубыми улыбками ругардийских торговцев. «Сытая камбала» – заведение не настолько роскошное, как «Островная корона», зато обстановка здесь куда более непринужденная. Самое главное, демоны тут нечастые гости. Из «Короны» Гаян с Лиузамой уже три дня как съехали – после того, как им подали на завтрак свиные отбивные.

Сами по себе котлеты нареканий не вызывали: свежие, неплохо приготовленные, в меру сдобренные приправами. Если бы только Лиузаме не взбрело в голову поинтересоваться, откуда взялось это мясо!

– Свинину, что ль, из-за моря привезли? – справилась она у слуги, принесшего в номер завтрак. – А то болтали, тут, на острове, все, что было, уже подъели...

И кто заставлял этого балбеса, расторопного, но недалекого, с ходу выкладывать правду?

– Никак нет, госпожа, то есть, истинно так, подъели, но свинку эту, с позволения сказать, держали не для кухни. Господа из демонов ее это самое... С вашего позволения, телесным утехам предавались, а нынче ночью свинья померла, не выдержавши, вот мы и решили, пользуясь оказией, господ постояльцев отбивными котлетками порадовать... Кушайте на здоровье!

Гаян понял, что он это есть не будет. Прошли те времена, когда он с голодухи готов был слопать все, что хотя бы отдаленно походило на еду, и дрался с береговым зверьем за моллюсков и трясоногов.

Лиузама свела к переносице белесые брови и решительным тоном, словно отодвигая от себя что-то невидимое, произнесла:

– Благодарствуем, но мы тогда покушаем чего-нибудь другое. Заберите свою гадость и дайте нам рыбные фрикадельки!

Слуга слегка обиделся, но спорить не стал, подчинился безропотно. Работа в «Островной короне» приучила его к тому, что пререкания с постояльцами иной раз чреватые самым плачевным исходом.

– Гаян, не хочу я больше тут жить, – объявила Лиузама после завтрака. – Они свиней трахают, и свиньи, видишь, от этого умирают... Давай куда-нибудь переселимся? Хоть в халупу, но подальше, а то здесь тошно.

– Как скажешь, – согласился Гаян.

Его тоже нервировало соседство демонов, а Лиум за прошедшие дни более-менее освоилась и в целебных ваннах по несколько раз в день больше не нуждалась.

Она не хотела, чтобы он обращался к ней на «вы» и называл ее «госпожа», или «моя леди», или «сударыня». «Я тогда чувствую себя странно, словно все вокруг стеклянное», – что она под этим подразумевала, он так и не понял, но на общение без формальностей согласился сразу. Гаян и Лиузама, два потерянных существа с исковерканным прошлым и неопределенным будущим – к чему им разводиться между собой церемонии?

Он почти допил свое пиво, когда по залу «Сытой камбалы» пробежала волна ропота:

– Айвар!.. Айвар идет!

Началась суматоха, часть публики потянулась к выходу. Нескладный ругардиец что-то говорил Клаху – вероятно, объяснял, кто такой Айвар и почему его надо бояться – потом оба встали. Немного выждав, Гаян тоже поднялся. Пока все складывается благоприятно.

Клиент и его спутник повернули к лестнице. Следуя за ними с рассеянным видом, Гаян мимоходом бросил взгляд в сторону распахнутой двери. Розовато-лиловая сумеречная улица казалась опасной, как бездонный омут. У края узкого тротуара стояла запряженная ишаком замызганная коляска. Напротив, возле освещенной масляными фонарями фиолетово-белой стены, выстроились девицы в сетчатых мантильях. По середине мостовой неспешно вышагивал дородный черноволосый детина в темном балахоне вроде монашеского, подпоясанный широким узорчатым кушаком, с футляром за спиной. Звали детину Айвар, а в футляре у него была лютня.

Обавий Клах и его толмач уже скрылись за изгибом лестницы. Деревянные ступеньки на каждом шагу скрипели. Кто-то из поднимавшихся впереди уронил бутылку: ругань, хруст стекла, шипящий в нос винный запах, сверху падают тяжелые сладкие капли. Проще всего догнать и ударить в толкучке, но Клах должен напоследок узнать, за что его убивают – это обязательное условие.

Когда Гаян вместе с несколькими пьяными постояльцами добрался до четвертого этажа, снизу донесся приглушенный перекрытиями громовой возглас:

– Здравия вам, люди добрые!

Иной раз говорят, что нет ничего хуже безголосого песнопевца. Как же тогда насчет песнопевца голосистого, но начисто лишённого музыкального слуха? Айвара природа ода-

рила мощным богатым басом, зато на ухо ему тролль наступил – не иначе, из зависти. Нимало не смущаясь сим обстоятельством, он избрал стезю странствующего барда и уже с полгода изводил жителей острова Ивархо своими концертами. Те согласны были заплатить вкладчину, лишь бы отослать эту луженую глотку на материк, но никто не соглашался брать его на корабль: он же во время путешествия *будет петь!* Злые языки поговаривали, что с таким голосиной ему бы податься в некроманты – поднимал бы мертвецов безо всякой волшбы, одним своим трубным ревом, но, к несчастью, способностей к магии у него было столько же, сколько к вокалу. А брать на душу грех и убивать песнопевца, взывающего к Стражу Сонхийскому, желающих не находилось.

Тускло освещенный коридор с дверями по обе стороны и затоптанной ковровой дорожкой. Завернув в тупичок, Гаян коротко постучал в предпоследнюю дверь. Представился торговцем, справился насчет лекарственных водорослей, называемых «рыбьим ожерельем» и «волосами Каривы»: он-де готов дать за товар настоящую цену, не то что другие. Обавий Клах заинтересовался, а его советчик, которого звали Закер, забеспокоился – видимо, ругардийские купцы посулили этому парню приплату, и пока он оправдывал их надежды, но появление конкурента грозило похерить все его старания.

Не вдаваться в разговоры на рыночную тему, иначе поймут, что гость в этом ни бельмеса... Гаян выложил на стол кошель с золотом – «задаток» – и предложил обмыть сделку. Попробовав на зуб одну монету, другую – никакого обмана! – Клах ударил ладонью по засаленной столешнице и азартно провозгласил:

– Эх, по рукам! Наливай!

– Климьярейское, на травах, – Гаян вытащил из кармана шаровар плоскую серебряную фляжку. – Чай, не в первый раз сторговались...

Староста Верхних Перлов после намека на дальнейшее сотрудничество засиял, как восхитившая Лиузаму люстра в вестибюле «Островной короны», а Закер окончательно скис, но от дорогого вина не отказался. У его нанимателей уводят дойную корову, и он ничего не может сделать, только глазами хлопает – так хотя бы выпить с горя за счет победителя.

Гость разлил ароматное содержимое фляги по кружкам. Для него тоже нашлась посуда, но он пить *это* не собирался.

– За прибыль! – предложил староста, после чего оприходовал свою порцию и смачно крякнул.

Закер, с покорной миной записного неудачника, выщедил вино медленно, смакуя каждый глоток. А Гаян даже не пригубил, только вдохнул дурманящий букет и поставил кружку на стол.

Снизу доносились обрывки громового немзыкального пения, из-за стен – нетрезвые голоса сбежавших от Айвара гуляк. Гаян дождался, когда в табачных глазах Клаха и в жидковато-голубых глазах Закера появится тревожное недоумение и оба на своих стульях обмякнут, как набитые соломой куклы, и только после этого задал вопрос. Уже совсем другим тоном:

– Десять лет назад вы у себя в деревне так же пили за прибыль?

После затянувшейся паузы у старосты Верхних Перлов кровь отлила от изрезанных бритвой обветренных щек, но он продолжал молчать. Вместо него заговорил Закер, тихо и сдавленно:

– Вы нас отравили? За что, услышь меня Хальнор, какая нелепость...

– Это не яд. Зелье, называемое тиркаце, оно временно лишает человека способности двигаться и кричать. Через два часа оклемаетесь.

– Вы меня не убьете? – стуча зубами с риском изувечить себе язык, вымолвил ругардиец.

– За вашу жизнь мне ни гроша не заплатили, – равнодушно бросил Гаян.

Можно бы презирать этого размазню с несуразной луковой шевелюрой, однако... Сам-то он разве показал себя с лучшей стороны? Не сейчас, не вчера и не год назад, а в то время, когда еще не был бродягой Гаяном... Наверное, так же непрезентабельно выглядел. А что трясся точно так же – это без всяких «наверное».

Испытывая не столько презрение, сколько досаду, он повернулся от белого, как известка, Закера к своему клиенту.

– Это тебе гостинец от Лиузамы. Помнишь такую?

– Она... Она вернулась?..

– Родила три выводка Морскому Владыке и вернулась. Большая редкость, верно? Обычно девушки, которых отдают Хозяину Океана, умирают при первых же родах. Или, если все-таки доживают до истечения срока, теряют человеческий разум и навсегда остаются подводными жительницами. А Лиузама выжила, не сошла с ума и попросилась домой. Трижды произведя на свет потомство, она заработала свободу выбора, и Морской Владыка выполнил ее просьбу.

– Откуда ты столько об этом знаешь? – затравленно прохрипел Обавий.

– Было время, я кое-что читал на эту тему.

– Владыка ее богато одарил, ведь так? И у нее теперь есть дети – лютые морские твари, которые выполняют все, что она велит, если то в их силах и не поперек воли Владыки. В деревне она была никому не нужной приبلудой, а теперь заживет, как госпожа! В шелках будет ходить, на серебре кушать... За что же меня убивать, а?..

– Перед тем как утопить, ее избili до потери сознания. Помнишь?

– Так она убежать хотела! Кусалась, лягалась, бранилась... Вот наши бабы и осерчали...

– Зачем вы это с ней сделали?

– Не со зла, – пытливо и отчаянно глядя на убийцу, заверил староста. – Без жертвы Морской Хозяин ни рыбы, ни жемчуга, ни водорослей ценных не давал... Ради достатка деревни, истинно так, не со зла...

– То есть из-за денег, – подытожил Гаян. – Вот и я тебя убью из-за денег, потому что Лиузама мне за это хорошо заплатила. Оно будет справедливо.

– Да глухой ты, что ли, услышь меня Хальнор, нам же деваться было некуда!

– Не тебе поминать Хальнора, он бы ваши обычаи не одобрил. Было вам куда деваться. Могли перебраться на материк, заняться вместо рыбного промысла разведением виноградников или чем-нибудь еще в этом роде.

– Сняться с насиженного места из-за одной девки? Да ты в своем уме?!

– Ей было больно вынашивать и рожать морских тварей. Не случайно большинство девушек от этого умирает. Ее тело изуродовано, ни груди, ни талии, ни зада – выглядит, как растянутый кожаный мешок, словно ей девяносто лет, а не двадцать шесть. И она никогда не сможет родить ребенка, у нее внутри что-то истощилось и повредилось, лекарь сказал, это непоправимо. Короче, за все за это.

– Нет, ты меня выслушай...

– Пойдите, – подал голос Закер. – Извините, не знаю, как вас зовут, но сначала надо рассмотреть проблему с разных сторон. Мы имеем благополучие целой деревни и судьбу отдельной девушки, принесенной в жертву общему благу, поэтому, разбирая вопрос о правоте, давайте взвесим все за и против...

«О Хальнор, только этого не хватало!» – мысленно взвыл Гаян.

Судя по всему, Закер принадлежал к числу тех любителей диспутов, которых хлебом не корми, только дай порассуждать и поспорить о чем угодно. Когда-то – сто лет назад или всего лишь тринадцать? – Гаян и сам таким был, но с тех пор много воды утекло, так неужели этот болтун угадал в нем родственную душу? Хотя, скорее, просто решил на рискован-

ный финт – заморочить голову резца словопрениями, протянуть время, вдруг так или иначе повезет, потому что в карманах ни гроша, и если Клаха убьют, Закеру за хлопоты никто не заплатит.

– Я согласен, ваша точка зрения имеет право на существование, но прошу вас, давайте посмотрим на ситуацию с точки зрения Верхних Перлов...

– У меня нет точки зрения. Я наемник.

Приподняв грузного старосту за шиворот, он ударил точно в печень. Клах негромко завыл, оседая на пол. Тяжелый деревянный стул опрокинулся, грохот на мгновение заглушил стоны.

– За Лиузаму и Кевриса, – сказал Гаян.

Его нанимательница велела произнести эти слова, когда Клах будет умирать.

Ивархиец затих, а Закер дышал громко и неровно, словно ему не хватало воздуха в этой полутемной комнатенке с дешевой матерчатой обивкой по стенам и трупом на полу.

– Это тебе, – Гаян достал из кошель и положил перед ним две золотых монеты. – За упущенный гонорар.

– Я не запомнил, как ты выглядишь, – пробормотал Закер.

– Не имеет значения.

Действительно, не имеет. На Ивархо давно нет закона, воротилы вроде Груве никого не боятся, и уж тем более никто не захочет связываться с *Морской Госпожой* и ее наемником.

Айвар в зале ресторации вовсю драл глотку, заглушая нестройные звуки собственной лютни. Наконец он замолчал, и неторопливо спускавшийся по лестнице Гаян испустил вздох облегчения, но через минуту снова зазвучал гулкий голос:

– А теперь послушайте песнь о том, как Хальнор Страж Мира и Тейзург, прозванный Золотоглазым, приняли под стенами Марнейи неравный бой, и что из этого получилось!

Не задерживаясь, Гаян шагнул в душные тропические сумерки. Нечего там слушать. И так каждому ребенку известно, что из этого не получилось ничего хорошего.

Ференц Берда решил сделать, как лучше.

Если Рис не может слимонить ничего стоящего из-за какого-то там проклятия или сглаза, надо его от этой колдовской мерзопакости избавить. По гроб будет благодарен. И дед останется доволен: он учил Ференца, что добрые дела могут быть таким же полезным орудием, как отмычка или подложная расписка, иной раз вместо грубого принуждения куда лучше подстроить, чтобы человек был тебе обязан, не прогадаешь. Старый Берда знал, о чем говорил, он все Нижнеречье держал в руках, и все его душевно уважали, никто не хотел другого главаря.

Ференц старался во всем подражать деду. Тот советовал подружиться с Рисом: мол, если сумеешь его к себе привязать, много выгоды через то получишь.

Утром двадцать восьмого дня месяца Талых Вод перед дверью тетки Хи на улице Босых Гадалок остановились два молодых человека старшего школярского возраста. Да, оба выглядели, как *молодые люди*, а не как беспризорная шваль. Специально помылись с душистым мылом и надели одежду, приличествующую юнцам из порядочных семей, будущим труженикам и налогоплательщикам.

Выслеживать Риса по второму разу не пришлось, тот сам пришел на хату и сказал, что согласен.

Когда проходили мимо разубранных бумажными пионами и зазывно пестреющими тканями витрин Галантерейки, Ференц мечтательно заметил:

– Уж хапнем так хапнем, а потом с девками загуляем! Вина всякого перепробуем, хоть залейся, закусывать будем колбасой и конфетами, во житуха мечтательная пойдет, ага?

Рис, о чем-то задумавшийся, ответил рассеянным междометием, словно ему толкуют о позавчерашнем дожде или о количестве ворон на окрестных деревьях. Ну, как с таким подружишься? Дружбаны – это те, с кем есть о чем поговорить: о шалавах, о выпивке, о том, кто чего хапнул и как ушел от кургузов... А с этим непонятным существом какая может быть дружба?

Ветер морщил коричневую воду в лужах, раздувал женские юбки, расшатывал плохо закрепленные водосточные трубы. Этот сырой весенний ветер душу трепал и баламутил так же, как все остальное в грязном после недавно сошедшего снега Эонхо, и Ференц, чтобы не поддаваться ему, снова попытался завязать разговор:

– Ты чего себе наперво купишь, когда деньгу зашибем?

– Я не куплю, – на этот раз Рис поддержал общение – наверное, пронизывающий ветер и ему выворачивал душу, как болтающуюся на бельевой веревке рубашку. – Я учиться пойду.

– На мага?

– Не-а, какой я тебе маг... На убийцу.

От неожиданности Ференц Берда наступил в лужу.

– Рис, ты че, псих? Маг ты фартовый, не приbedняйся, а убийца из тебя – положи, где лежало. Ты же мухи обидеть не можешь, кого ты убьешь?

– Гонбера.

– А-а-а...

Такую мечту Берда Младший понимал. Кто же не хочет грохнуть Гонбера и получить все обещанные за него награды? Еще и героем станешь, девочки будут на тебе гроздьями виснуть – выбирай любую или всех скопом. Это мечта что надо!

– Когда мне заплатят за Живодера, я отправлюсь искать город Танцующих Огней. Где-то же он есть, и я обязательно должен туда попасть, – конец фразы Рис произнес затихающим голосом, почти шепотом.

О таком городе Ференц никогда не слышал. Или, вернее, слышал, но только от самого же Риса, и больше ни от кого. Тот у всех спрашивал, не знают ли они что-нибудь о городе Танцующих Огней. Не иначе, это его заморская родина.

В Школу Магов он попал с нузобийского невольничьего рынка: один из достопочтенных мэтров Гильдии ездил по делам в Нузобию и заодно прикупил у работоторговцев мальчишку, в котором разглядел крупницу магического дара. А откуда Рис взялся в Нузобии – неизвестно, он тогда был совсем малолеткой, и того, что случилось с ним раньше, не помнит. Наверное, пираты украли. Город Танцующих Огней ему часто снится, и он хочет туда вернуться, да только разве можно вернуться в место, о котором ни одна живая душа не слышала и ни в одной книжке не написано? Насчет книжек проверено, старший Берда нарочно посылал одного грамотея в Герцогскую библиотеку, но тот о городе с таким названием ни полслова не нашел. Может, его и не существует, может, Риса просто-напросто преследует наваждение?

Тоже, кстати, повод сводить его к тетке Хие, та мерекает и в порчах, и в наваждениях.

– Так зачем столько хлопотни? Глянь, как у тебя лепится: получил деньги – потратил их на учебу – прикончил Гонбера – опять получил деньги – пошел искать свой город. Не проще ли вот так: получил деньжата – и сразу ищи на здоровье хоть по всему свету?

Ференц осекся и мысленно обозвал себя дурнем: зачем его надоумил, и вправду ведь после дельца умотает на поиски... Но беспокоился он напрасно, Рис не внял здравому совету.

– Сначала я убью Живодера, после этого буду искать город Танцующих Огней.

– Думаешь, там лучше, чем в Эонхо?

– Там хорошо, – в негромком голосе Риса промелькнул тоскливый надрыв. – Рано или поздно я туда все равно попаду, но хотелось бы поскорее.

Теперь уже Ференц не придумал, что ответить, и издал невнятное междометие. Если бы произнес те слова, какие Рису надо было услышать, наверняка бы что-то сдвинулось, и они бы хоть на чуть-чуть стали друзьями, но поди сообрази, что сказать такому, как он!

Для того чтобы не понимать друг друга, совсем не обязательно говорить на разных языках. Эта мысль Ференца удивила, и в течение некоторого времени он пробовал ее на вкус, словно экзотический леденец. Ему редко приходили в голову отвлеченные мысли.

– Тако говорит, видел тебя двадцать третьего дня около храма Кадаха Радеющего. Перед пожаром. Слышь, люди болтают, что жрецы Кадаха всяко честили Гонбера, поэтому он спалил ихний храм. Тако там хапнул скатертку для ритуалов, шитую золотом, и большущий пирог с капустой из корзинки для бедных. Ну, подсуетился, когда все добро наружу вытаскивать начали... Он Радеющему уже две свечи в другом храме поставил, по отдельности за пирог и за скатертку, чтобы тот его простил. Кадах добрый бог. А ты хоть чем-нибудь поживился или просто глазел, как оно горит?

– Я не успел их предупредить. Я понял, что у них случится беда, хотел сказать и опоздал. Если б я раньше это почувствовал...

– А потом куда делся? Мы всей бандой пришкондыбали, а тебя уже нет. Где был?

– Не знаю.

– Как так – не знаешь, где был и что делал?

Ференц решил, что он заливает.

– Иногда не знаю.

После этого признания Рис закусил губу, словно сразу пожалел о своей откровенности.

Улица Босых Гадалок встретила их желтизной и слякотью. Старинные двухэтажные дома с мутноватыми окошками-сотами. Грязные потеки на стенах. Крыши с загнутыми краями, покрытые лакированной черепицей цвета осенних листьев. Никогда не просыхающие лужи в углублениях дряхлой мостовой, расползающейся на отдельные булыжные островки.

Здесь было людно: рослая зеленщица, бормоча под нос ругательства, маневрировала со своей расхлябанной тележкой среди колдобин, несколько горожан и горожанок шли мимо по своим делам, иные из них останавливались, присматривались к вывескам. Впереди маячило двое кургузов в коротких форменных плащах, ярко-синих с белой каймой. Завидев их, Бердамладший напрягся, но напомнил себе, что он сейчас не шпана нижнереченская, а цивилизный мальчик, и на всякий случай шепнул своему спутнику:

– Не беги. Они нам тут ниче не сделают.

Прикид – не прикопаешься, сам он похож на купеческого сынка, а Рис, со своей свежесмытой гривой и темными глазищами в пол-лица, смахивает на одно из тех бледных юных дарований, которые с утра до ночи прилежно пиликают на скрипке или сочиняют трогательные стишки на радость господам меценатам. Если кургузы все-таки привяжутся – ныть и твердить плаксивым голосом, что сбегать с уроков больше не будем, это он еще перед выходом подельнику растолковал.

С теткой Хией дед Ференца когда-то любился. Давным-давно, когда у нее был всего один подбородок, и не было жирной черной бородавки на лбу, и щеки не свисали до воротника. Старый Берда утверждал, что она была красавицей хоть куда, и он на нее кучу денег в охотку потратил и дважды дрался на ножах за ее честь, но потом они все равно разлаялись и расстались, потому что Хия, как и другие ведьмы, норовила командовать полубовником, который не из магов, а Берда разве такое стерпит?

На ней был засаленный капот из малахитового атласа, голова обмотана, как чалмой, застиранным цветастым платком. Отворив дверь, Ференца в образе пай-мальчика она в первый момент не узнала, и тот про себя радостно ухмыльнулся: богатым буду, дельце с пелериной выгорит!

Дальше следовало проявить смекалку, чтобы все обстряпать в наилучшем виде, и тут он показал себя достойным внуком Берды Нижнереченского. Когда Хия провела их в свою приемную, тесно заставленную пыльной плюшевой мебелью, Ференц украдкой подмигнул, состроил рожу и мотнул головой в сторону двери, перед этим кивнув на Риса, который изумленно уставился на громадное, в полстены, панно из засушенных цветов.

Вдвоем они выбрались в полутемный коридор, где пахло валерианой, мятой, канфой, и сквозь эти запахи пробивалась слабая вонь отхожего места.

– С чем пришли? – осведомилась старуха, не спуская подозрительных глаз с Риса, оставленного в приемной.

Ференц попытался прикрыть дверь, но она не позволила, опасаясь, что незнакомый парнишка втихаря что-нибудь стырит.

– Тетушка, проверьте его на порчу и сглаз. Он воровать не может. Сказал, от этого помрет.

– Так вас, бедокуров, – одобрительно ухмыльнулась старая ведьма.

– Тетушка, мы расплатимся по-честному, падлами будем!

– Вы и есть падлы, – резонно заметила Хия.

– Тетушка, ну, пожалуйста, вы же добрая волшебница, а он для вас потом сворует что-нибудь хорошее или деньгами отдаст.

Шептал еле слышно, чтобы Рис не услышал – кто знает, как он отнесется к такой инициативе? Вдруг сразу задаст стрекача... Насчет своего смелого обещания Ференц рассудил, что никакой недоштопки тут нет: избавленный от злых чар, Рис, конечно же, не откажется отблагодарить свою спасительницу. А пока то да се, в гости к хозяйке дома через дорогу пожалует принцесса Лорма, и тогда он сможет расчухать, велики ли шансы на благополучный исход затеи с пелериной. Одной стрелой двух уток, дед будет гордиться Ференцевой изобретательностью! Ференц решил, что похвастает перед дедом после, когда все будет в сахаре.

– Ладно, погляжу, – ворчливо согласилась тетка Хия. – А если ты, пока я буду с ним возиться, что-нибудь хапнешь – чирей на задницу наведу, понял? Пока вы здесь, лучше забудь о том, что у тебя есть руки.

Когда она вернулась в комнату, Рис все так же рассматривал старое осыпавшееся панно из полевых цветов и крашеной соломы.

– Подойди сюда, – властно окликнула его Хия. – Головушка не болит?

– Немного, моя госпожа.

Ишь ты, умеет воспитанного корчить. Ференц слегка удивился неожиданной обходительности этого городского дикаря, а потом смекнул, что дает о себе знать трехлетнее пребывание в Школе Магов: там малолетки живо приучаются вести себя вежливо с взрослыми чародеями и чародейками.

– Непосвященный заработает мигрень, если будет долго пялиться на эти цветочки, – Ференц знал, что ведьма напропалую колпачит, сама же только что оделила его этой мигренью, на такие подходы она мастерица. – Сядь в кресло и расслабься, я избавлю тебя от недомогания...

Рис подчинился. Теперь дело на мази.

Ференц тихо, как изнывающая от скуки тень, слонялся туда-сюда по приемной, лавируя между лоснящимися плюшевыми креслами. Руки демонстративно держал в карманах: чирей на заднице ему без необходимости. Наконец услышал голос Хии, усталый и немного печальный:

– Теперь не болит?

– Нет.

– С тобой когда-то случилось что-то очень плохое. Что это было?

– Не знаю.

– Сиди пока здесь. А ты, Берда, пошли со мной, кое-чего поможешь.

Снова оставив Риса в приемной, они вышли в коридор, а потом еще и в прихожую.

– Дурачок ты, Ференц, – вздохнув, заговорила вполголоса бывшая дедова поллюбовница. – Никакой он не вор, ни на полногтя, и вора из него не выйдет, хоть ты тресни. Пусть займется чем-нибудь другим, пока не поздно. Магической силы в нем всего ничего, на чайной ложке уместится, но есть что-то еще, и мне это «что-то» не нравится. Проклятие или порча, да, и оно спрятано за семью печатями. Ох, бедный мальчик, кого же он настолько разозлил?

Ференц хотел спросить, нельзя ли что-нибудь сделать для того, чтобы Рис все-таки стал фартовым воров, а все остальное побоку, но тут затрещонил дверной колокольчик.

Еще одна старушенция в теплом черном платье, с массой тонких, словно крысиные хвостики, седых косичек, свисающих до лопаток. Разглядев, кто это – жрица Лухинь Двудликой, та самая, с которой знаетсся принцесса Лорма! – Берда-младший малость струхнул.

– О ком это вы говорили, Хия? – любезно поинтересовалась престарелая жрица.

– О странном мальчике, который сидит у меня в приемной. Любопытный случай, не хотите посмотреть?

– Конечно-конечно!

Испытывая усиливающийся тревожный зуд, Ференц потащился за ведьмами.

При их появлении Рис испуганно встрепенулся и вскочил с кресла.

– Как вас зовут, юноша? – обратилась к нему жрица.

– Рис, моя госпожа.

– Просто Рис? У вас нет другого имени?

– Если и было, я его не помню.

– Откуда вы родом?

– Из города Танцующих Огней. Может быть, вы что-нибудь о нем слышали?

– Нет, Рис, не слышала. Но если ты позволишь, я попробую разобраться, в чем дело.

Сядь.

Он послушно уселся в кресло, и старуха прикоснулась к его вискам тонкими пергаментно-белыми пальцами. Тетка Хия и Ференц стояли в нескольких шагах от них, не смея громко дышать. Жрица Лухинь то растягивала подкрашенные кармином сухие губы в блаженной улыбке, то страдальчески хмурилась. Тихонько пробормотала:

– И кто же с тобой такое сотворил...

– Проклятие? – со знанием дела осведомилась тетка Хия, в то же время больно съездив по затылку Берде-младшему, без всякой задней мысли потянувшемуся к фарфоровому слонику с отбитым хоботом.

– Оно самое, – неодобрительно подтвердила старшая чародейка. – Все кому не лень проклинаят ближних и дальних из-за любого пустяка, да еще оправдываются: если сам Страж нашего мира проклят, почему нельзя проклясть моих недоброхотов? Словно злые дети. Сколько проклятий вы снимаете каждый приемный день со своих клиентов?

– По пять-шесть – это уж точно, только не любое проклятие можно снять, как загаженную одежду, вы же знаете. Иной раз бьюсь-бьюсь – и без толку, а иногда сразу говорю, что я тут не помогу, пусть кого посильнее поищут.

– Этому мальчику не смогу помочь даже я, – жрица с сокрушенным вздохом тронула за плечо Риса, который глядел на нее из-под своих волосяных зарослей удивленно и доверчиво. – Аура у тебя чудесная, как будто гуляешь в сумерках по цветущему весеннему саду, и мне бы хотелось тебя выручить, но это не в моих силах. Какая жестокость... Прости, если я тебя расстроила.

– Ничего. Я даже не знал, что проклят, и мне оно, вообще-то, все равно. Скажите, пожалуйста, как можно добраться из Эонхо до города Танцующих Огней?

– Мальчик, этот город еще не построили.

– Не может быть! Я же его помню...

– У Лухинь два лика, один смотрит в прошлое, другой в будущее. Тот лик, что смотрит в прошлое, не видит там города Танцующих Огней.

Глаза у Риса заблестели сильнее. Неужели сейчас расплечется, изумился про себя Ференц, прямо при этих тетках, при мне... Ну, с него станется, он же странный.

По мостовой загрохотали копыта, мягко зашуршали колеса, и за окном, совсем близко, проплыла бело-золотым кораблем громадная карета.

– Это ее высочество, мне пора! Хия, дорогая, я хотела бы у вас одолжить Книгу Вереска, чтобы кое-что показать ее высочеству. Если вас не затруднит...

Рис вдруг сорвался с кресла и, ни с кем не прощаясь, метнулся к выходу. Ференц вначале опешил, потом бросился за ним.

Они проскочили мимо белого экипажа с золотыми гербами на дверцах, мимо стайки зевак, мимо кургузов, что-то заоравших им вслед, миновали несколько переулков, и лишь тогда он наконец-то Риса догнал. Точнее, тот позволил себя догнать, остановился и выпалил прежде, чем Ференц успел открыть рот:

– Это смерть! Забудьте о пелерине, принцесса Лорма – это смерть!

И умчался, как ветер, словно у него на пятках выросли крылья.

Берда-Младший тоже заторопился прочь, подальше от кишашего кургузами квартала. Все накрылось! И на задуманном дельце можно поставить крест, и вокруг Риса какие-то непонятки, и старая ведьма-жрица вполне могла раскумекать, зачем они на самом деле туда приходили... Он подозревал, что дед его за это как пить дать выпорет.

Сбросив щегольскую приказчиью жилетку и повязав бандану, Гаян снова превратился в самого себя. Пока он выполнял заказы такого рода, главная часть его души как будто была скомкана и заперта в темной кладовке.

Вторым после Обавия Клаха стал некто Семгер, житель Верхних Перлов, также принимавший деятельное участие в том эпизоде десятилетней давности. Нож Гаяна настиг его в Шилванде, не то городишке, не то деревне на юге Ивархо. Те, кого кормило море, устраивали в этом местечке ярмарки – междусобойные, для своих, потому что судам к тому берегу не подойти.

Под водой прячутся Клыки Тейзурга – несметная рать острых рифов, готовых вспороть любое днище, а суша вздымается отвесной стеной – иссеченные трещинами и облепленные птичьими гнездами Унбарховы скалы. Имена древних магов, сделавших мир Сонхи тем, чем он ныне стал, намертво прилипли к этому гиблому берегу, а легенда утверждала, что именно Тейзург с Унбархом разворотили южную оконечность острова.

Вполне может быть. За время своих войн, растянувшихся на несколько сотен лет, эти двое много чего разнесли вдребезги.

Стерли с лица земли несколько десятков больших и малых человеческих поселений, оставили на месте бескрайнего Аркайского леса бескрайний бурелом, обрушили Подоблачную гору. Впрочем, похожие подвиги числились и за другими им подобными, хотя и не в таких масштабах.

Расколотили на куски ледяной панцирь Белого Окраинного материка, из-за чего прибрежные глыбы сползли в океан, и случился потоп, после которого Рийская земля превратилась в Рийские острова, но клянут их сейчас не за это.

Наплодили великое множество чудищ и мороков, да кто ж из могущественных этим не баловался?

Сонхи залечил бы раны, не в первый раз, последствия катастроф растеклись бы и постепенно сошли на нет, как круги от брошенного в воду камня, однако в ходе своих разборок Унбарх с Тейзургом угробили Стража Мира.

До тех пор считалось, что это невозможно, но мало ли, что там считалось. Существа, называемые Стражами Миров, неуничтожимы. Их сила безмерна. Что ж, Унбарх нашел способ с помощью второго постулата свести на нет первый, а Тейзург, как это и раньше случилось, был главным виновником той злосчастной заварушки.

Что правда, то правда: это была самая смертоносная за всю историю Сонхи пара недругов, способная перевернуть вверх дном, изничтожить, порушить и загубить все, что угодно.

К подножию Унбарховой кручи Гаян спустился по железным лестницам, кое-как прилаженным в расщелинах. В ушах завывал теплый ветер, пахло йодом, пометом, птичьими гнездами, гниющей рыбой. Старые лестницы скрипели и опасно пошатывались. Под конец спуска его ладони были густо испачканы кровью и ржавчиной. Сполоснув руки в набежавшей волне, Гаян зашипел от боли. Поглядел на море, где едва виднелись в кипящей пене острия каменных клыков, на подавляющую одним своим видом скалу, снова на море. Ему пришло на ум, что здешние достопримечательности неспроста назвали так, а не наоборот: Тейзург, говорят, был коварен, а Унбарх – преисполнен величия.

Этот берег выглядел бы мрачно, если бы не тропическое солнце, заливающее золотым блеском и небо, и воду, и камни, и скопища гнезд, и черно-белые потеки помета на отвесной скале. Зато в пасмурную погоду здесь, наверное, до того тоскливо – хоть зубами скрипи.

Заселившие скалу птицы возлились, беспокойно перекликались, и Гаян после короткого отдыха заторопился прочь, а то еще нагадят на голову или заклюют.

Он до полудня пробирался по кромке между волнующейся водяной прорвой в малахитовых переливах и нелюдимыми скалами, нагревшимися, как печка. До нитки вымок, но это было кстати, спасало от зноя, только ссадины жгло морской солью. Видел в полосе прибоя исклеванного чайками дохлого трясонога (спасибо, больше не интересуюсь), размокший ботинок (заученным жестом прикоснулся к оберегу на шее), спаривающихся хурмунгов (пришлось дожидаться, когда сладострастные ящеры кончат и уберутся с дороги). Наконец морщинистую каменную твердыню сменил кустарник. Отсюда несколько часов ходьбы до Мизы – большого ремесленного поселка, где мастерят лодки, бочки, всякую снасть и утварь.

Пыльная розовато-бежевая дорога забирала в сторону от берега, к лысым холмам, о которых ходила дурная слава. По слухам, там пропадали среди бела дня и люди, и животные – нечасто, но бывало, а потом у подножия глинистых склонов, среди пожухлой травы и молочая, находили выеденные оболочки из тончайшей высохшей кожи. То, что их убивало, охотилось при свете палящего солнца. Рассказывали о «полуденниках», о «солнечных тенетах», но все это были домыслы, на самом деле никто ничего не знал.

Гаян не стал туда заворачивать. К Унбарху ее, эту дорогу. Вдоль кромки прибоя безопасней – по крайней мере, для того, кто состоит на службе у Морской Госпожи. Лиум не могла приказать своим выводкам разорить Верхние Перлы и убить тех, кто десять лет назад совершил жертвоприношение. Все, что ей оставалось, это нанять для расправы с жителями деревни постороннего головореза, согласного действовать на свой страх и риск. Зато она могла попросить детей Владыки Океана не трогать Гаяна.

Морской Хозяин в обмен на жертву обещал Верхним Перлам полные неводы рыбы, жемчуг, изобилие съедобных и лекарственных водорослей, и лодки не будут тонуть, и страшные волны высотой до небес не будут разбивать в щепы дома на берегу, и никакие твари и гады из моря не станут губить верхнеперловцев. Водяное божество соблюдало свою часть договора, но оно не принимало на себя обязательств защищать деревню от вернувшейся из пучины жертвы, чем и воспользовалась Лиузама. Положеньице, сравнимое с каким-нибудь юридическим казусом. То есть для жителей деревни положеньице, а для Гаяна заработок.

Дальше пойдет сложнее. Еще два-три убийства, и рыбаки догадаются, кто за этим стоит. И днем и ночью будут настороже, перестанут путешествовать поодиночке, наймут охрану. На Ивархо хватает голодных молодчиков вроде Гаяна, готовых работать за кормежку. Те не рискнут поднять руку на Морскую Госпожу, зато ее наемника прикончат за милую душу. Надо объяснить Лиузаме, что придется наwerbовать еще людей. Она ведь хочет извести всех взрослых мужчин из Верхних Перлов, принимавших участие в ритуале, и в придачу нескольких женщин, поймавших и избивших ее при попытке сбежать.

Гаяну подумалось, что это будет самая настоящая война, мелкомасштабная, но жестокая. Хотя все лучше, чем добывать на обед моллюсков и трясоногов.

Заброшенная вилла неподалеку от Мизы. Обветшалый кирпичный дом, задушенный цепкой хваткой корней и побегов, темным пятном маячил в зеленых сумерках. Там жили нетопыри, змеи, ящерицы, жуки, птицы, крысы и еще что-то бесплотное, не имеющее названия, а Гаян с Лиузамой соорудили себе шалаш из досок на краю галечного пляжа.

Возле шалаша горел костер, в котелке доваривалась уха: пусть Лиум превратилась из деревенской девчонки в Морскую Госпожу, стряпней она не брезговала и считала, что мужчину, особенно занятого таким важным делом, как охота на себе подобных, надо кормить досыта.

– Ну? – Круглые глаза, бесхитростные и печальные, уставились на него снизу вверх, как два бледных светлячка.

– Семгера больше нет.

– А я ужин сготовила. Дети принесли мне шмат осетрины, а лепешек и вина я купила в Мизе.

– Ты ходила в Мизу?

– Чего ж не сходить-то? Пройду чуток – сяду, отдохну, еще пройду – еще отдохну. Я же телом здоровая, только отвыкшая. Ты покушай. Небось нагулял аппетит. А после расскажешь, как убил его.

Уха была наваристая, нежные белые куски осетрины в перламутровом бульоне, а лепешки, слегка отдающие водорослями, свежие и поджаристые. Умыв честно заработанный ужин, Гаян рассказал, как было дело. Хотя чего там рассказывать: перехватил Семгера на рассвете за глинобитными сараями, когда тот возвращался на постоянный двор от гулящей шилвандийской вдовы, нанес два удара, убедился, что насмерть – и к Унбарховой круче, а то на дороге могли бы догнать.

– Ты не забыл сказать ему, что это за Лиузаму и Кевриса?

– Сказал.

– А он чего?

– Начал просить, чтобы я подождал, что мы должны выпить и поговорить, он-де угостит меня выпивкой.

– Какие у него были глаза?

– Испуганные, растерянные... Как будто он так до конца и не понял, в чем дело. Или не захотел понять.

– Следующие поймут, никуда не денутся. Иди отдохни, а если тебе надобно чего-то постирать, давай сюда, понял?

Всю стирку она взяла на себя, хотя могла бы нанять служанку, голодных девчонок на Ивархо не меньше, чем голодных мужчин.

Гаян заполз в шалаш, устроился на сложенном вдвое стеганом одеяле. После пешего путешествия спать бы ему, как убитому, но через некоторое время он проснулся. Разбудил его женский плач – в голос, с горестными причитаниями.

– ...Кровиночка моя роди-и-имая!.. Убили тебя, не пожалели тебя... А-а-а... Да я бы всякого добра тебе накупила и надарила, а дарить-то некому-у-у... Кевви, братик мой Кевви... Ох, извели тебя, никого-то у меня больше не-е-ету-у-у...

Поспишь тут. Лиум всхлипывала и подвывала, в иные моменты ее голос становился душераздирающе тонким, на зависть цикадам из одичавшего парка вокруг виллы, зато Гаян уяснил, что Кеврис – это не влюбленный в нее мальчишка, убитый рыбаками при попытке сорвать жертвоприношение (Тейзург знает, с чего ему вначале пришла в голову такая театральнo-романтическая версия), а младший брат, для которого, судя по монологу Лиузамы, тоже все закончилось плохо.

«Все понимаю, но зачем так вопить? Или ей просто прокричаться надо после десяти лет рыбьего молчания? До сих пор у нее не было истерик, а теперь наконец-то прорвало... Сама она не уймется».

Сколько-то времени Гаян все-таки проспал, потому что стояла глубокая ночь. Восковая луна заливала белым сиянием россыпи гальки, натянутую меж двух кустов веревку с мокрой одеждой, светлые волосы Лиузамы, которая уткнулась лицом в ладони и раскачивалась в такт своим стенаниям, блестящую ширь океана, неясные черные фигуры возле пенной кромки. Множество черных фигур. Одни по-лягушачьи сидели на берегу, другие плескались на мелководье, их была целая армия. Гаян чувствовал взгляды – внимательные, прохладные, не звериные, но и не человеческие.

«Бог ты мой, да это же ее дети! Наверное, пришли все три выводка... Хотят ее утешить, но не знают как? Или думают, раз она плачет – значит, нуждается в защите?»

Медленно, чтобы не спровоцировать амфибий на агрессию, он подошел к Лиум, присел в двух шагах от нее. Дождавшись паузы, спросил:

– Так у тебя был брат?

– Младшенький... Извел его Обавий, шестилетнего убили, не пожалели... Ну, так и я нынче не успокоюсь, куда всех душегубов не изведу!

– Его тоже принесли кому-то в жертву?

– Нет, – зареванная Лиузама помотала головой. – Просто убили. По злобе. Мы ведь там были пришлые, никому не нужные. Мы из Кунотая. Слышал про кунотайский травяной народ? Это мы. Отец мой рано помер, и мама во второй раз вышла замуж, тогда и родился Кевви, а ее второго убили супостаты, когда Эонхийский герцог пришел на нашу землю. Наши мужики да парни воевать не умели, мы же всегда были мирные, никого не трогали, и до нас никому не было дела. Раньше не было, пока герцогу речка с нашей долиной не понадобилась. После войны мы подались в Набужду и маялись там, как беженцы, потом мама встретила своего третьего. Тот был с Ивархо, приплыл жемчуга ювелирам продавать, а мама у нас была красивая... – Лиузама уже не заходила в истерику, а рассказывала связно, всхлипывая и шмыгая носом. – Взял он ее за себя вместе с нами, привез сюда, только здесь она сразу начала болеть – то желудком маялась, то от жары, и года не прошло, как зачахла. Надо было мне, дура, сразу уйти с Кевви в город, хоть куда бы пристроилась в услужение, а мы остались в Верхних Перлах, в доме у того человека, Пейчохта. Я всякую работу делала, ничем не брезговала, а все равно смотрели, как на лишние рты. Хотя знаешь, Гаян, когда б за ту работу деньгами брать, совсем не мало бы вышло, если по совести, но они каждый день ругали нас дармоедами. Нешто не понимали?

– Все понимали, но им так было удобней, – Гаян обнял ее за мягкие дрожащие плечи. – Обычная история...

– Потом у них рыба ловиться перестала, а по ночам утопленники приходили, то по одному, то стаями, в окна заглядывали – это Хозяин Океана жертву себе требовал. Ну, и сговорились насчет меня. Я-то поначалу не поняла, еще обрадовалась – какие все вдруг ласковые стали, не бранятся, не попрекают. А Кевви то ли что-то подслушал и смекнул, то ли

сердцем почуял, что они замышляют недоброе. Ему же было шесть лет, и взрослые не таились от него так, как от меня – мол, дите несмышленное, все равно ничего не поймет. А он понял. Староста Клах пришел к Пейчохту в дом, смотрит на меня, и Кеви тут как тут, на него смотрит, а потом вдруг схватил со стола нож, которым я лук резала, кинулся и ударил Обавия в живот! Только сверху поранил, силенки не те... Он вообще был слабенький, потому что родился недоноском, на седьмом месяце, в ту ночь, когда мы на заповедном болоте от супостатов прятались. Понятное дело, Обавий, здоровый мужик, отшвырнул его, как котенка, и он шибанулся о стенку, но опять потянулся к ножу. Пейчохт поймал его, не пускает, а Кеви кусается, вырывается и кричит: «Не трогайте мою сестру! Лиум, беги отсюда!» Староста сказал тогда: «Щенок одержимый, ты, Пейчохт, демоненка у себя под крышей приютил, убить такого выблядка надо!» Я в рев, меня заперли в чулане, и после Пейчохтова свояченица рассказала, что меня отдадут Морскому Владыке в обмен на его благоволение, а Кеви, братика моего, Обавий с Семгером посадили на телегу, со связанными руками, с веревкой на шее, и куда-то увезли, только на другой день к вечеру воротились. Не пожалели, душегубы, что ему всего шесть годочков... Ну, потом я однажды оттолкнула суку эту, Пейчохтову свояченицу, когда она мне поесть принесла, выскочила – и бежать, а бабы, которые близко случились, за мной кинулись, как стая гончих. Я их всех до единой запомнила, и всех этих сучек ты убьешь, как мы договорились. А когда меня раздели догола, и сделали мне на шее надрезы осколком раковины, чтобы выросли жабры, и посадили в дырявую лодку, я думала только о том, что не сдохну в их проклятом океане, пусть не надеются. Нарожаю Морскому Владыке морских тваренышей сколько надо и вернусь отомстить за Кеви. Братик мой младшеньки-и-ий...

Она прижалась к Гаяну теплым вздрагивающим телом и снова жалостно завывала.

– Погоди... Лиум, погоди, остановись на минутку! Ты сказала, твоего брата увезли на телеге и вернулись на другой день к вечеру? Тут что-то не так. Смотри, если предположить, что его удавили или утопили с камнем на шее, то получается, что слишком долго они ездили.

– Не утопили, – ее опухшее от слез лицо в потемках было таким же белым, как печальная восковая луна. – Я потом, когда освоилась, порасспрашивала у подводного народа, среди утопленников Кеви не нашли. Разве скинули в какой-нибудь колодец, где нет проточной воды, изверги окаянные...

– Да ты уверена, что его убили?

– Обавий сам же сказал, что его надо убить, и после куда-то увез... С веревкой на шее, а шейка то-о-оненька-а-ая...

– Сказать – еще не значит сделать. Обавий был дельцом, а судя по тому, сколько времени ушло на поездку, прошвырнулись они до города и обратно. Есть вероятность, что твоего Кевриса продали. Мне надо выспаться, а завтра я доберусь до Перлов и побеседую с Пейчохтом.

– Ты думаешь, Кеви живой? – прошептала Лиузама.

– Возможно. Прежде всего надо выяснить, куда его дели десять лет назад. Если бы ты рассказала раньше, я бы допросил их, перед тем как прирезать. Почему ты до сих пор молчала?

– Потому что дура, – кротко вздохнула Лиум, вытирая слезы.

Ее глаза казались огромными и смотрели на Гаяна с такой надеждой, что ему стало страшно и захотелось очутиться подальше отсюда. Чего уж там, не умел он оправдывать ожидания, еще тринадцать лет назад в этом убедился.

Два дня спустя, на закате, он вернулся к шалашу усталый, но удовлетворенный, уселся на охапку высушенных водорослей и сообщил:

– Пейчохт утверждает, что Кеви продали кому-то в порту. Клах тогда сказал, что вырученных денег в аккурат хватило на лечение, поэтому он проявит добросердечие и не ста-

нет требовать с Пейчохта откупа за полученное в его доме увечье. Судя по всему, это самое увечье было ерундовой царапиной, однако он повсюду растрепал о ране на животе. Заметь, пресловутая рана не помешала ему назавтра после происшествия с ветерком прокатиться на телеге через пол-острова, но верхнеперловцы из уважения к своему старосте не усмотрели тут никакой неувязки. Ясно, им же хотелось чувствовать себя правыми, а версия насчет раны на брюхе у Клаха делала их пострадавшей стороной: приютили чужаков, и те вон как отплатили за добро.

– Ты убил Пейчохта?

– Пока нет. В этот раз он откупился. Отдал мне вот это, посмотри.

Гаян вытащил из кармана замшевый мешочек, распустил завязки, вытряхнул на ладонь два вырезанных из дерева амулета на плетеных шнурках.

– Это же наши! – ахнула Лиум. – Мой и Кевриса... У травяного народа есть обычай: когда рождается ребенок, шаман делает амулет, для каждого свой. Видишь, на моем бутон? По-нашему называется лиузама, это плавающая речная кувшинка, ее носит туда-сюда, и она повсюду нездешняя гостья. Угадал шаман с моим именем, правда же? Мама говорила, он три раза ворожил, не хотел давать несчастливое имя, но всяко выходило одно и то же. А когда к нему братика принесли, сразу сказал: «Это родился Кеврис!» У нас у всех травяные, древесные да цветочные имена, а кеврис – то же самое, что кошкина травка. Ты, наверное, знаешь, из нее плетут обереги, потому что она любую беду отведет, и готовят лечебные отвары, но братика имя не уберегло, все равно его не пожалели...

– Мы его найдем, – опасаясь, что она опять начнет причитать, перебил Гаян. – Если он жив, обязательно найдем. Этот амулет он носил на шее, так?

Лиум затрясла головой, подтверждая, со всхлипом выдавила:

– До самого того дня, когда он на Клаха с ножом бросился. Видать, амулет забрали перед тем, как свезти его на продажу. С веревкой на шее, как скотину, а не человеческого ребенка... Ну, недолго им жить на этом свете!

– Лиум, надо решить, что мы делаем в первую очередь: доканываем деревню или разыскиваем Кevi?

Громко и протяжно всхлипнув, она сказала сдавленным голосом:

– Сначала – братика. Ох, как он жил без меня все эти годы, пока я подневольно гостила на дне морском... Небось хлебнул горя, он же маленький, слабенький... Шестилетний...

– По-твоему, он так и остался шестилетним? Ему сейчас шестнадцать.

– И то правда, только мне не верится, что он уже не такой, каким я его помню, – бесхитростно согласилась Лиум. – Как будем искать?

– Для начала поедem в город, к гадателю, который по амулету определит, жив ли Кеврис, в какой стороне находится и светит ли нам его найти. Там есть один гадатель из настоящих. Древний старик, почти никого не принимает, но ты ведь можешь хорошо заплатить.

Свой амулет Лиузама надела на шею, второй убрала в замшевый мешочек и спрятала в застегивающийся на пуговицу внутренний карман безрукавки из темно-розового атласа, которую носила поверх платья.

Новой истерики не будет. Отвернувшись к морю, Гаян устало ухмыльнулся: хоть и вымотался до изнеможения, дело того стоило.

В город отправились спозаранку. Нанятая в Мизе повозка с плетеным кузовом катила, дребезжа, мимо усыпанного цветами кустарника, оранжевых холмов, сверкающих в отдалении осколков моря, вырубленных из красноватого камня зверовидных идолов, которые стояли на Ивархо с незапамятных времен. Порой это пестроцветье сменяла сизая пелена чахлунды – на плодородных землях, где раньше были рисовые, чайные или банановые плантации. Возница, лениво погонявший мула, сидел на грубо сколоченных козлах на расстоянии

вытянутой руки, поэтому Гаян и Лиум за все путешествие перекинулись едва ли десятком слов.

Лишь бы оказалось, что братик Кеви жив, что его, паршивца, увезли на материк... Тогда Гаян очень скоро отсюда выберется. Иначе – дальнейшее прозябание в этом голодном солнечном раю, война с Верхними Перлами до победного конца, в перспективе нож под ребра или арбалетный болт в глаз.

Дважды на них нападали разбойники, но Лиум достаточно было выглянуть из повозки и пригрозить, что она позовет свои выводки, чтобы этих доходяг как ветром сдуло. По острову уже расползлись слухи о том, что на берег вышла Морская Госпожа.

– Худющие какие, – с сочувствием заметила Лиузама после второго инцидента. – А попросили бы по-людски, я бы им, бедняжкам, денег дала.

Трактир «Золотой финик» на окраине города – заведение более-менее чистое, с недавно побеленными стенами и комнатами внаем на втором этаже. Неподалеку жили родственники возницы, вот он и завернул сюда с согласия пассажиров.

Гаян с Лиузмой устроились у окна. В ожидании обеда можно было любоваться глинобитными хибарами, коричневой, словно из черепашьих панцирей, мостовой, сиреневыми, розовыми и красными в блестках юбками на бельевой веревке возле борделя напротив. И в придачу – вздымающейся над приплюснутыми крышами причудливой сонной хоромной, сплошь зеркальной, которая с месяц назад вылезла посреди пустыря, разворотив сухой суглинок.

Она сверкала, будто громадная синеватая драгоценность, и, по словам трактирщика, кишмя кишела железной нежитью, но эта пакость, как известно, наружу не выползает, а внутрь сунется только дурак или отпетый домопроходец, которому хорошо заплатили за риск. Издали на это переливающееся нездешнее чудо смотреть даже приятно... До того приятно, что Гаян не сразу отследил появление в зале знакомой физиономии. Заметив, ругнул себя последними словами: убийца, называется, рыцарь плаща и кинжала! Стыдобище, да и только.

Пришелец, впрочем, был не опасен. Закер, толмач покойного Обавия Клаха, с уныло свисающей луковой косицей и усталыми покрасневшими глазами. Когда он встретил взгляд Гаяна, в этих глазах забрезжила робкая затравленная надежда.

Гаян хорошо знал это чувство по собственному опыту, поэтому без долгих раздумий кивнул Закеру и сделал приглашающий жест.

Вежливо поклонившись даме, ругардиец примостился на свободном стуле.

– Если мне позволено будет с вами пообедать, я постараюсь быть полезным.

– Быстро вы потратились, – обронил Гаян.

– Так я, знаете ли, не одного себя кормлю. Последние городские сплетни и новости, интересуетесь?

– Хозяин, все то же самое еще на одну персону!

Дебелый трактирщик одобрительно кивнул. Ему от таких, как Закер, чистый прибыльок.

Новости были ожидаемые. С дюжину дней назад кто-то подпалил дом Хамфута Дождевика, а в трактире у Груве завелась неведомая дрянь – зубастые черные головастики на тараканьих ножках, они закусали до полусмерти самого Груве, всю прислугу и нескольких посетителей. Куда-то запропастилась уличная певичка Томи Шелковый Голосок, а потом в одной из подворотен Пустоозерной улицы нашли ее правую руку с медным перстеньком на безымянном пальце. На площади Соцветий случилась драка между демонами: бахромчато-полосатые выясняли отношения с корнеротыми сумеречниками, и в это же время на тех и других напали рабы лиловых кувшинов. На площади остались оторванные конечности демонов и трупы случайных прохожих. Торговая компания «Бананы и всячина» объявила о своем долгожданном банкротстве. Софрехен, новый староста Верхних Перлов, приехал

в город нанимать крутых парней для охраны деревни. От преподобного Маженхия, жреца Кадаха Радеющего, все три наложницы ушли к заезжему ругардийскому богачу, а Маженхий, вместо того чтобы воззвать к своему богу и послать вдогон кораблю бурю, напился с горя и валялся пьяный под стеной храма, опозорив тем самым и себя, и Кадаха. Другой ругардийский богач приплыл на Ивархо позавчера, загнанный, с безумными глазами. Матросы в кабаке рассказывали, что его преследует Неподкупный Судья Когг, из-за какой-то давней истории, и беглец рассчитывает спастись хотя бы за морем. Еще они рассказали, что герцог Эонхийский наконец-то взял мятежную Солфесу и для устрашения послал туда Гонбера Живодера. Говорят, человеческие кишки висели по заборам, как праздничные гирлянды, и теперь обезлюдевший городок оккупирован полчищами мух.

Выложив новости, Закер схватил ложку и набросился на приправленную луком рыбную похлебку. Он был слишком голоден, чтобы думать о чужих кишках.

– Герцог – собака, – сказала, словно выплюнула, Лиум. – Нет, хуже стократно. Негоже так честить собак. Страшные болотные псы нас не тронули, когда мы спасались от супостатов на заповедном болоте, а он науськивает на всех своего Живодера... Чтоб ему когда-нибудь подавиться!

– Он не подавится, – возразил Закер. – Никогда и ничем. Говорят, вместо души у него бездна, которую невозможно насытить. Я слышал это от одного мага, рискнувшего с ним повздорить. Кстати, тот маг давно уже покойник, – он делал перерывы между фразами, чтобы что-нибудь запихнуть в рот и торопливо прожевать. – Наш мир, брошенный на произвол судьбы невменяемым богом-самоубийцей, похож на выгребную яму, в которой кишит всякая нечисть: демоны, упыри, Гонбер... А людей остается все меньше. Ругарда считается благословенным краем, потому что герцог о своих подданных как-никак заботится.

– Что же вы туда не вернетесь? – спросил Гаян, которого эта болтовня вперемежку с чавканьем уже начинала раздражать.

– У меня тут больная матушка, две сестрицы, одна из которых разумом тронутая, а у другой муж парализован, и четверо племянников от трех до десяти лет. Буду благодарен за любую помощь.

– Вот, – Лиузама деловито выложила на стол перед ним туго набитый кошелек. – Возьмите на здоровье.

В общем-то, она отзывчивая и добрая – ко всем, кто не из деревни Верхние Перлы. Гаян тут же подумал, что ей ничего не стоит быть щедрой: в ее распоряжении сокровища всех затонувших кораблей, рассыпанные по дну морскому. Стоит моргнуть, и кто-нибудь из выводка мигом притащит мокрый кошель, полный золота и серебра.

Закер, не ожидавший такого подарка, по-девичьи покраснел, обескураженно и подострастно заулыбался, рассыпался в благодарностях. Лиум, не оставаясь в долгу, твердила в ответ что-то простодушно-утешительное. Гаян доедал жареных анчоусов с кукурузной кашей. Остальные тоже ели, выпивали, болтали, всем тут сиделось весьма неплохо, и никто не заметил приближения стихийного бедствия, а когда в дверном проеме возник рослый черногривый детина в заношенном балахоне, подпоясанном узорчатым кушаком, было уже поздно. Не иначе Айвар со своей лютней в этот раз подобрался к трактиру задворками, чтобы слушатели не успели разбежаться.

– А не желаете, люди добрые, я потешу вас песенкой про колдунью Варлих и обманувших ее любовников-близнецов?

– Нет! – хором запротестовали посетители «Золотого финика». – Не желаем, ступай себе, куда шел!

– Шел-то я к вам, честные горожане, – Айвар перешагнул через порог, – чтобы спеть вам о «Злом альбатросе», корабле без капитана.

– Не надо!

– Вали отсюда!

– Ну, тогда могу поведать о ратных и любовных подвигах знаменитой воительницы Ренарны по прозвищу Тигровая Челка, бесстрашной в бою и любвеобильной под пологом походного шатра.

Все опять заорали «Не надо!», застучали по столам кулаками и ложками, а Гаян невольно усмехнулся. С упомянутой Ренарной он был знаком достаточно хорошо и знал, что образ из любимых народом песенок не имеет ничего общего с живым прототипом. Кроме, разве что, описания внешности: она действительно бронзовая и мускулистая, волосы цвета воронова крыла заплетает в косу (только не до колен, как утверждают авторы баллад, а едва ли до середины лопаток) и пряди челки осветляет особым зельем, а потом красит хной, так что получается черно-рыжая чересполосица. Глаза у нее не «зеленые, словно море-океан», а зеленовато-карие. Рен родом из Набужды, из третьеразрядной купеческой семьи, и когда песнопевцы сообщают, что она незаконнорожденная принцесса, сбежавшая из эонхийского дворца, это еще одна художественная вольность.

Однажды Рен было предсказано, что рано или поздно ей суждено стать сестрой бога. Она тогда стиснула загорелые кулаки и прошипела сквозь зубы площадное ругательство. «Сестрами бога» называют увечных монахинь, посвятивших себя Семанху Безногому, который делится с адептами силой в обмен на добровольно отрезанный и отданный в храм кусок собственной плоти. Сила отмеряется порциями в зависимости от величины пожертвования: за мочку уха или фалангу пальца получишь чуть-чуть, за кисть руки – уже побольше, и так далее. Искалеченные монахини ходят по дорогам, славят Семанху и ко всем пристают с рассказами о том, какая это замечательная жизнь. Ничего удивительного, что Рен от такого пророчества взбеленилась и с тех пор готова без долгих разговоров пристукнуть любого Семанхова служителя, лишь бы не угодить в их тенета.

В куплетах и балладах не было ни слова о «сестре бога», а вот Гаян об этом знал, по очень простой причине – к сумасшедшему тажебскому оракулу они ходили вместе.

Вот с кем надо бы познакомить Лиузаму! Трудно сказать... или, скорее, страшно сказать, каким был бы сейчас он сам, не сведи его судьба с Рен тринадцать лет назад. Спасибо Вышивальщику Судеб за то, что порой попадаются люди, рядом с которыми невидимые раны начинают потихоньку затягиваться, а выбитые мозги мало-помалу встают на место.

Пока Гаян предавался теплым воспоминаниям, Айвар продолжал препираться с неблагодарной публикой, и в конце концов, исчерпав весь прочий репертуар, с хитрым прищуром выложил свой главный козырь:

– А не хотите ли, добрые люди, услышать правдивую песнь о Хальноре Камышовом Коте?

Бывают предложения, от которых невозможно отказаться. Например – послушать песню о Хальноре, каким бы неважнецким ни было исполнение. В тех городах и весях, где жизнь налаженная, на этот счет существуют законы, а в дырах вроде Ивархо – давний обычай, обладающий силой закона.

Айвар расположился на стуле посреди зала, извлек из футляра покрытую рыжим лаком лютню, попросил у хозяина пива промочить горло. Тем временем кое-кто из посетителей шмыгнул за дверь. Закер тоже сбежал, а Лиузама с интересом уставилась на песнопевца своими печальными круглыми глазами, и Гаян понял, что в этот раз ему концерта не миновать. Ничего, в жизни бывают вещи и похуже.

– К тебе взываю, Хальнор Страж Сонхийский! – сокрушительным басом завел Айвар, ударив по струнам. – Хальнор Проклятый, Хальнор узник рысей шкуры, Хальнор оклеветанный, Хальнор, сам себя проклявший, Хальнор, из-за бесчестного навета отказавшийся от своей силы, Хальнор, сам себя осудивший за то, чего не было! Где бы ты ни обретался – услышь мою песнь и узнай, кто прав, а кто виноват! Услышь меня, Хальнор!

Проревев обязательный зачин, бард перешел к повествованию, а его слушатели, сраженные звуковым шквалом, сидели кто слегка побледневший, кто совсем бледный, и с нетерпением дожидались завершения этой пытки.

Когда Айвар дойдет до конца, трактирщик угостит его обедом за счет заведения, а в Вазебре, в Йефте или на Рийских островах он получал бы еще и небольшое регулярное пособие из городской казны. Великое множество песнопевцев кормится этим по всему свету. Если же кто-то из них сумеет пробиться сквозь все слои бреда, наваждений, самоубийственного проклятия и разбудить Стража Мира, он стяжает почет и всеобщую благодарность, вдобавок ему достанется главная награда – Сокровищница Тейзурга: россыпи золотых и серебряных монет древней чеканки, драгоценные камни, кубки и украшения, оружие дивной работы. Есть, ради чего стараться. Покидая мир Сонхи, Тейзург, натворивший здесь немало такого, что не к ночи будь помянуто, напоследок решил оставить по себе память если не светлую, то хотя бы противоречивую, и завещал свои несметные богатства тому, кто вернет Хальнора во вменяемое состояние. Никто, правда, не знает, где пресловутая сокровищница спрятана, однако предполагается, что в случае благополучного пробуждения Стража Мира она в два счета найдется.

Громовой голос барда заполнял трактирный зал от пола до потолка, свивался в могучие кольца, как удав в тесной клетке. Гаян подумал: если у кого и есть шансы докричаться до Проклятого Стража, то это, безусловно, Айвар... При условии, что результат зависит от громкости.

А Лиузама сидела, не шевелясь, поставив локти на стол, сцепив и стиснув пальцы, по ее щекам катились слезы, голубые глаза блестели, как дождливое весеннее небо. Катарсис. Когда он на нее взглянул, слово само пришло на ум. Она следила за развитием сюжета, сопереживала изо всех сил, и не было ей дела до того, что исполнитель напрочь лишен слуха.

Когда этот кошмар закончился, она велела Гаяну достать кошель и щедро вознаградила песнопевца. Остальную публику это повергло в шок, да и самого Айвара, кажется, тоже: не привык он к такой реакции на свое горлодерство.

Тем же вечером коляска, запряженная парой костлявых белых кляч, завезла их в глубину старинных кварталов, благоухающего специями и собачьей мочой, и высадила на полпути до цели. Дальше начиналась такая теснота, что экипаж в лучшем случае не проедет, в худшем – намертво застрянет между заплесневелыми стенами противостоящих домов.

Пешее путешествие по узким улочкам, словно по коридорам необъятного трущобного дворца. Наверху – полоска лиловеющего неба, захваченный с собой фонарь озаряет трещины на волглой штукатурке и дощатый настил под ногами. В заброшенных домах что-то шуршит, поскрипывает, копошится, вокруг фонаря вьются мотыльки – слетелось целое облако. Местами что-нибудь преграждает дорогу: прислоненная наискось доска, груда глиняных черепков или костей, нарисованный углем знак дурного пути, через который лучше не переступать.

Когда начался массовый исход с острова Ивархо, большинство здешних обитателей перебралось в дома получше, а гадатель остался жить в опустевшем квартале. Он был очень стар и худ, ходячие мощи. Взяв деревянный амулет Кевриса, ушел с ним за ширму, увешанную амулетами. Лиузама сидела серьезная, сложив руки на коленях, с тревогой смотрела на сплетенные из травы фигурки и дырявые плоские камушки, подвешенные на нитках.

– Жив твой братец, – сообщил старик, вернувшись, и она не то застонала, не то коротко засмеялась от облегчения. – Он на земле, которая лежит за морем, в той стороне, где заходит солнце, в большом недобром городе с серебряными куполами и крышами.

– Я его найду?

– Или найдешь, или нет. Если будешь хорошо искать, повстречаетесь. Не печалься, самое главное ты для него сделаешь.

– Самое главное – это что?

– То, что для него важнее всего остального, важнее жизни и смерти.

Обеспокоенно нахмурившись, она медленно повторила:

– Важнее жизни и смерти... Ему что-то грозит?

– Каждому что-нибудь угрожает. Твоему брату не суждена долгая жизнь. Больше ничего не открылось, не обессудь, госпожа.

Когда вышли в пахучую лиловую путаницу необитаемых улочек, Лиузама разревелась и, пока пробирались обратно, никак не могла успокоиться. Гаян тоже пребывал в кислом расположении духа. Ага, «большой недобрый город с серебряными куполами и крышами»... Он знал только один город, подходящий под это описание. Ему, конечно, хотелось обратиться к Ивархо, позарез хотелось, но если бы его поставили перед выбором: Ивархо или Эонхо, – еще неизвестно, что бы он выбрал.

– Что дальше? – поинтересовался он, когда его нанимательница перестала всхлипывать. – Плыдем на материк или остаемся тут?

– Плыдем, чего же еще, – Лиум решительно утерла рукавом заплаканное лицо. – Разве непонятно? Мы должны поскорее найти Кеви и сделать для него самое главное.

Глава 2

Охота в Эонхо

Этой ночью Рису опять приснился Мост-через-Бесконечность.

Ажурное творение из звенящего звездного серебра, пронзающее пространства и бездны, которые не с чем сравнивать и почти невозможно вообразить. Как и в прошлые два раза, эмоции, сопутствующие этой картинке, по своей силе не уступали жерновам, способным стереть в порошок и не такую мелочь, как сознание мальчишки, заблудившегося в лабиринте сновидений. Сначала – бешеное торжество: он все-таки это сделал, прорвался, ушел (от чего или от кого?), потом – беспредельная цепенящая тоска: это навсегда, обратного пути нет. Как только истерзанный кусок плоти, который совсем недавно был его телом, умрет окончательно, последняя ниточка оборвется, и он останется здесь навечно, вмороженный в пустоты Бесконечности. Он тонул в беспросветных водах этой тоски, и когда его наконец-то выбрасывало в явь, в холодную комнату с переливчатыми стенами, тюфяком в углу и пасмурным небом за окном, всхлипывал от облегчения.

Вначале это серебряное диво ему понравилось: во-первых, красотища, во-вторых, во сне он уходил по Мосту оттуда, где с ним должно было произойти что-то нехорошее, и по этому поводу радовался. А потом осознал – уже ничего не переиграть, тогда и нахлынула душераздирающая тоска.

В следующий раз Рис понял, что Мост всецело принадлежит ему: он его не то построил, не то сплел из звездных лучей и зачарованных нитей звездного серебра. Высшая магия, между прочим, и ему бы возгордиться, а он опять сорвался в омут леденящей тоски.

А сегодня он увидел у подножия Моста хрустальный гроб.

Рис помотал головой, надеясь вытряхнуть клочья приснившегося серебряного кошмара. Нашарив под тюфяком обломок гребня, расчесал волосы. Если убрать их назад, он чувствовал себя до противного уязвимым, а так – словно залег в траве, между тобой и врагами – путаница стеблей... Он понимал, что это иллюзия, и все равно падающие на лицо космы обеспечивали ему толику уверенности в себе.

Надо выйти в город и раздобыть что-нибудь съестное. В крайнем случае завернуть на хазу к нижнереченским, только не затягивать с кормежкой, пока не накатило. После прошлого «наката» он очнулся в незнакомом грязном подвале, возле кучки окровавленных перьев и косточек. Похоже, при жизни это было голубем. Рис боялся, что однажды таким же образом сожрет человека, он ведь во время «накатов» себя не контролирует.

Несмотря на три года учебы в Школе Магов (а он усвоил там гораздо больше, чем думали преподаватели – по крайней мере, из теории, это практика ему не давалась хоть убей), Рис никак не мог определить, что с ним творится.

По телу проходит короткая мощная судорога, и вслед за этим окружающий мир выцветает, звуки и запахи усиливаются, расслаиваясь на множество оттенков, поле зрения сужается, зато все удивительно резкое и отчетливое. В голове не держится больше одной мысли, да и та бьется на периферии, но при этом он всегда точно знает, что надо сделать: убежать, догнать, затаиться, схватить – и все в этом роде.

Рис понятия не имел, как он в такие моменты выглядит. Надо бы хоть однажды посмотреть в зеркало, но беда в том, что думать об этом он мог до или после, а во время «наката» зеркала его не интересовали. Только еда или спасение шкуры, все остальное побоку.

Первая догадка – оборотень, но концы не сходятся: у оборотней жесткая привязка к фазам луны, времени суток, определенному сигналу либо к чему-нибудь еще в этом роде, а у него «накаты» случаются в результате затянувшейся голодовки или с очень большого пере-

пуга. Кроме того, оборотень после возвращения в человеческий облик остается нагишом, а Рис за собой такого не наблюдал. Правда, есть ведь чародеи-перевертыши, те перекидываются туда и обратно вместе со всем, что на них надето, но это высочайший уровень, и они полностью контролируют процесс.

Впервые это случилось шесть лет назад, когда наставники в школе поняли, что толку из Риса не выйдет, и, пожалев выбросить на улицу, отдали его Сарабтенам.

Лучше бы сразу на улицу. В конечном счете он все равно там оказался, но перед этим его едва не замучили до смерти.

Сарабтены принадлежали к числу тех обеспеченных и уважаемых горожан, которых принято называть «фундаментом, на котором зиждется нерушимое благосостояние ругардийского общества». Глава семейства – работник банка «Златотвердь», образцовый исполнитель на службе и суровый домашний деспот, но до второй его ипостаси никому нет дела: мой дом – моя крепость. Госпожа Сарабтен – добродетельная хозяйка, умеющая и властному супругу угодить, и произвести впечатление приятной дамы. Трое детишек, сызмальства приучаемых к беспрекословному послушанию.

Зачем же Сарабтенам понадобился приемный непонятного роду-племени, хотя с двумя дочками и младшим сыном хлопот по горло (несмотря на строгое воспитание, те нет-нет да и огорчали родителей шалостями)?

Прежде всего, это одобрялось общественным мнением. Мода на сироток, охватившая столицу примерно два десятилетия тому назад, оказалась такой же стойкой, как на полезный для здоровья шоколадный напиток или на рийских певчих птиц. Усыновители предпочитали маленьких чужестранцев: тут и экзотика, и вдобавок оно безопасней, чем тащить к себе домой кого-нибудь вроде шпанят из Ференцевой банды. Тех сперва еще надо поймать, а когда поймаешь, сам не рад будешь.

Кастелян Школы Магов продал Сарабтенам десятилетнего Риса в качестве «ребенка, привезенного из-за моря, тихого и трогательно большезаглазого, как маленький эльф» – самое то. Ну, не сказать, чтобы официально продал, по ругардийским законам ребенок не может быть предметом купли-продажи, однако получил за свое посредничество кругленькую сумму.

После этой удовлетворившей обе стороны сделки Рис превратился в Ристобия Сарабтена. Ненадолго.

На новом месте ему сразу не понравилось.

Вторая причина, почему Сарабтены взяли приемного – им хотелось отучить своих детей от выкрутасов, и для этого требовался живой пример. Усыновленный мальчик. Если он будет послушным, прилежным, почтительным, наследников можно припугнуть: вас, поросят неблагодарных, на улицу выгоним, живите там, как хотите, а его будем любить, как родного. Если он окажется негодником – нещадно наказывать, опять же для демонстрации: вот что вас ждет в следующий раз, если не возьметесь за ум.

С первых минут своего пребывания в этом доме Рис как будто провалился в ледяную прорубь. Он дрожал и не мог успокоиться, не верил ласковым словам, не делал, что говорили, испуганно огрызался, так что дальше события развивались по второму сценарию. Ради устрашения юных Сарабтенов глава семейства заставлял его часами стоять на коленях на рассыпанном по полу горохе и загонял ему под ногти тупые иголки, а потом начал мастерить в подвале дыбу, но довести дело до конца не успел. На Риса, уже почти свихнувшегося от боли и страха, в первый раз «накатило».

Близился вечер, он сидел взаперти в своей коморке и мог думать только о том, что скоро вернется домой его палач, как вдруг тело скрутило судорогой, стены поплыли, приглушенные сумерками цвета еще сильнее поблекли, но очертания предметов стали более резкими, а звуки – непривычно богатыми, он начал различать малейшие шорохи. Дальнейшее Рис пом-

нил смутно. Когда щелкнул в замке ключ и дверь открылась – рванулся с места, оттолкнул Сарабтена, скатился по лестнице, выпрыгнул в открытое окно на первом этаже и бросился бежать.

Где его носило после этого, он не знал. Пришел в себя только ночью, в пыльной бело-голубой комнате на восьмом этаже необитаемой сонной хоромины в незнакомой части города. С момента его бегства из дома Сарабтенов прошло несколько часов.

Одно он помнил точно: в школе за ним ничего похожего не водилось. Уж наставники бы заметили, и тогда бы его не продали кому попало, а оставили для изучения.

Видимо, эти «накаты» и есть то самое проклятие, о котором говорила жрица Лухинь Дзуликой. Уж не из-за них ли Риса увезли из города Танцующих Огней? Убивать пожалели, просто взяли и отправили подальше, вполне себе правдоподобно.

Порой его беспокоила мысль: а что, если город Танцующих Огней находится вовсе не в Сонхи? Ну, то есть, в другом мире, которых бесчисленное множество... И его сюда запахнули, чтобы он наверняка не нашел дороги обратно?

Рис давно бы уже решил, что так оно и есть, если бы не знал то, что известно и каждому дураку, и каждому умнику: Сонхи никаким образом не сообщается с другими мирами. Абсолютно и безнадежно. Ни единой щелки не осталось. С тех пор как Страж Сонхийский покончил с собой, в самом мироздании что-то заклинило, и Врата Перехода больше не открываются. Можно отворить Врата Хаоса, однако это для кого угодно верная гибель.

За последнюю тысячу лет вырваться отсюда сумел только Тейзург, но это, во-первых, был Тейзург, получеловек-полудемон, один из могущественнейших чародеев, каких можно по пальцам перечесть, а во-вторых, он ведь во время той роковой заварушки пытался спасти Хальнора. Быть может, это был его единственный за всю жизнь добропорядочный поступок, но факт остается фактом, и Тейзургу это зачлось – обреченный на медленное угасание мир Сонхи выпустил его на свободу. Рису такая милость не светит.

Как обычно, утро он начал с упражнений. Прыжки, кувырки, отжимания, боевые движения. Кидание ножа в разошедшийся деревянный щит высотой в человеческий рост – прихлоп с улицы, еле затащил, надрываясь, на восьмой этаж, да еще и ладонь занозил.

Топот и звуки ударов отзывались эхом в гулкой пустоте просторного пыльного помещения. Рис не делал себе поблажек, даже если накануне выматывался или в животе урчало от голода. Чтобы убить Гонбера, надо тренироваться. До него многие пробовали, и где они теперь? Наверное, тренировались недостаточно... Внутренний голос порой принимался нашептывать, что для убийства ему вполне хватит когтей и клыков, но Рис заставлял его заткнуться и продолжал свои занятия.

В кармане со вчерашнего дня лежал ломтик черствого хлеба. Можно сгрызть на ходу. Он зашнуровал башмаки, набросил курку, взлохматил волосы, чтобы погуще падали на лицо, и вышел на лестницу. Обычно он съезжал вниз по перилам – они широкие и гладкие, непонятно из чего: похоже и на полированное дерево, и на крашеное стекло, но ни то, ни другое. В сонных домах многое сделано из материалов, каких в природе не существует. Впрочем, «сделано» – не то слово. Все это появилось в готовом виде. Прорвалось в реальность Сонхи из Страны Сновидений, пробилось на свет, словно ростки городской травы, взламывающие мостовую.

Сонные дома на Риса не покушались, как будто соблюдали неписанный договор. Ни лифты, ни железная нежить ни разу не пытались его убить, не говоря о менее агрессивных предметах. Возможно, причина крылась в том, что они ему нравились – вызывали не страх и не оторопь, а теплое чувство с примесью щемящей тоски? В этих причудливых хороминах он чувствовал себя, как дома – ну, и они вели себя с ним, как нормальное человеческое жилье.

Они напоминали ему дома в городе Танцующих Огней. Там тоже все это есть, но там все хорошее, правильное. Лифты, например, не подстерегают добычу, коварно притаившись

в толще стен, а перевозят с этажа на этаж тех, кому лень ходить по лестницам, и худшее, что может случиться с пассажирами – это если лифт застрянет. Железная нежить – не хищники, а прислуга, что-то вроде механических часов или заводных кукол, только гораздо сложнее.

Когда он рассказал об этом Ференцу, тот сощурился, вдумчиво помолчал и авторитетным тоном заявил, что Рис плетет небылицы, в жизни так не бывает. Где ж это видано, чтобы железная нежить кому-то служила, если ее даже маги не могут подчинить? Или чтобы лифты не охотились на людей? Эти плотоядные монстры только и ждут случая кем-нибудь закусить, а то Рис никогда не видел останки тех, из кого они высосали все соки, а после выплюнули ненужное, словно косточку от вишни!

Первым делом он отправился на площадь Потерянных Зонтиков. Иногда там можно подзаработать. Эонхо – город громадный, хаотичный и неприветливый к чужакам, заблудиться в нем проще, чем в дремучем лесу, поэтому приезжие нередко нанимают провожатых, а тех можно найти на этой самой площади, расположенной неподалеку от порта и Львиных ворот. Суэта, всплески и колючие клубки чужих эмоций, многоязыкий галдеж, здесь не то что зонтик – голову потеряешь.

Рис остановился под одной из арок щербатой каменной галереи, отгораживающей это столпотворение от улицы Менял. Позиция такая, что при необходимости легко можно исчезнуть – так он и делал, если замечал, что к нему кто-нибудь направляется, а потом появлялся под другой аркой. Он сам выберет, к кому подойти.

Толкущийся тут народ делился на несколько категорий. Приезжие, которым надо снять недорогое жилье. Те, кто хочет нанять провожатого для прогулки по Эонхо. Небогатые горожане, пришедшие сюда в поисках квартирантов. Предлагающие свои услуги провожатые разной степени потрепанности, от опустившихся выпивох до обходительных и напористых ловкачей. Лоточники. Воры. Проповедники, зазывающие в свои храмы. Кургузы, сиречь городская стража.

Риса интересовали те, кому нужен провожатый, но таких сегодня было немного, и среди них не нашлось никого подходящего, поэтому он побрел прочь по улице Рыбьих Костей, мимо обветшалых контор, снаружи похожих на притоны, и лавок с грязными вывесками. Нет так нет, не очень-то и надеялся.

Город он знал лучше многих коренных эонхийцев и вдобавок мог предложить кое-что особенное, для искателей острых ощущений: посещение сонных хоромин, которые считаются смертельно опасными – в его присутствии те вели себя, как самая заурядная недвижимость. Он мог бы на этом неплохо зарабатывать – если бы только потенциальные клиенты правильно его понимали!

Один Безглазый Вышивальщик знает, почему у этих господ что-то в мозгах безнадежно переключивается, когда к ним подходит хрупкое длинноволосое существо и предлагает негромким голосом ознакомительную прогулку по Эонхо. Во всяком случае, слышится им совсем не то, что Рис имеет в виду. Если б не его способность мгновенно улавливать намерения окружающих и так же мгновенно смываться при наличии угрозы, он бы в первый же раз угодил в неприятности.

Убедившись после нескольких эпизодов, что это не случайность, а закономерность, он начал выбирать клиентов крайне придирчиво. Какое-нибудь семейство с детишками или чета пожилых фермеров – то, что надо, однако сегодня таких не было, а связываться с теми, кто может усмотреть в его предложении несуществующие намеки, Рис не собирался.

Черда закопченных кирпичных строений, за арками подворотен громоздятся пестрые кучи. Квартал выгорел еще два года назад, отстраивать его не стали, и с тех пор сюда тащат мусор со всей округи, в особенности с находящегося по соседству Имбирного рынка. Крыс там, наверное, видимо-невидимо. Интересно, тысячи две наберется или все-таки меньше?..

И с какой радости ему понадобилось забивать себе голову такими дурацкими вопросами... Хотя он ведь отлично понимал, с какой: чтобы не думать о хрустальном гробе.

Сплетенный из серебряных кружев Мост-через-Бесконечность выходил из этого гроба. Тот стоял в комнате, которую Рис как следует не рассмотрел (она приснилась нечетко, без подробностей), и сразу было видно, что с ним все неправильно.

Во-первых, хрустальный гроб должен иметь форму кристалла особой огранки, иначе какой от него толк? А здесь и пропорции не соблюдены, и углы скругленные... Впрочем, взгляд едва зацепился за эти несуразности – настолько страшным было то, что находилось внутри.

В хрустальном гробу должен лежать человек, не живой и не мертвый, погруженный в зачарованный сон. А в этой штуке... Человек там и лежал, но что с ним творилось! Кроме него, там было кое-что еще: кошмарная паутина оплетала его с головы до ног, наполовину металлическая, наполовину стеклянная, тонюсенькие прозрачные трубки полны крови, ярко-алой либо темной, венозной, и вся эта жуть пульсирует, поблескивает... Вдобавок на лице сидит какая-то дрянь, похожая на паука, ее спинка вздымается и опускается, как будто дышит. Она причем еще и на привязи... Или нет, это не привязь, что-то вовсе непонятное: два гибких гофрированных щупальца соединяют мерно вздыхающую пакость с утолщением в стенке неправильного гроба.

Человек весь в кровоподтеках, местами из пор сочатся капельки крови, вокруг закрытых глаз чернеют фингалы (дышащий паук вцепился в нижнюю часть лица, так что глаза остались на виду, и потемневшие веки время от времени подрагивают). На груди, поверх сердца, устроилась еще одна неведомая тварь, вонзившая под кожу тонкие лапки. И последняя ужасающая деталь: в голову вросло множество стеклянистых корешков, одни кровавые, другие бесцветные – если приглядеться, видно, что по ним тоже циркулируют жидкости. Спутанные, слипшиеся от крови волосы по сравнению с этими плотоядными побегамися выглядят совсем безжизненно.

Видимо, это жертвоприношение. Человека принесли в жертву, чтобы появился Мост-через-Бесконечность. И не имеет значения, что лица не рассмотреть. Рис и так понял, кто лежит в хрустальном гробу. Сразу понял, незачем делать вид, будто для него это загадка... Ладно, хватит, это же всего-навсего страшный сон, а Имбирный рынок – за следующим поворотом.

Несколько рядов двухэтажных галерей под черепичными крышами всех оттенков коричневого, на карнизах сидят голуби. Пряности, канфа, сушеные травы, шоколад, амулеты, зелья, ликеры, украшения из бронзы и серебра. Это старая часть рынка, а дальше начинаются дощатые ряды со всем вперемежку. Там можно разжиться чем-нибудь съестным. Лишь бы за шкуру не сцапали.

Смех смехом, но у Риса это самое уязвимое место. Если схватят за руку, он вывернется. Если за волосы – лягнет каблуком или врежет локтем. А когда хватали за шиворот, он в первый момент цепенел. Потом приходил в себя и начинал вырываться, но в иных переделках счет идет на секунды, и он боялся, что однажды из-за этого по-крупному влипнет. Причем с ним так было всегда, сколько себя помнил. Наверное, тоже какое-то заклятие или сглаз.

Под ногами хлюпала грязная жижа. Вокруг толкались, ругались, торговались, зазывали. Гибкий и быстрый, Рис привычно маневрировал в рыночной давке, озираясь в поисках пищи. Уязвимый загривок прикрывают волосы – это хорошо, и на глаза падают волосы – тоже хорошо, как будто крадешься в травяных зарослях.

На дощатом прилавке пироги с капустой. Нельзя. У женщины, которая их продает, каждый грош на счету: купить младшему молока, справиться старшему башмаки – прежние стали маловаты, да еще заплатить домовладельцу... Рис проскользнул мимо, как тень, ничего не тронув.

Копченые колбасы. Тоже нельзя. Продает их наемная работница, которой придется расплачиваться за потерю из своего кармана, и она это примет, как еще один удар, как повод для новой горькой обиды. Рис не хотел быть причиной таких переживаний и опять прошел мимо.

А здесь – пироги с рыбой. Можно! Мужику, который их привез, на все наплевать с высокой башни. Он не считал их, ему бы поскорей сбыть товар с рук – не важно, с прибылью или в убыток, а после засесть в трактире, и пусть жена ругается, сколько влезет. А нечего было посылать человека на рынок, в то время как человек собирался выпить с приятелями! Не для того он на этой скопидомке женился.

Схватив большой румяный пирог, Рис юркнул в толпу. На ходу завернул добычу в припасенную тряпку, сунул за пазуху. На сегодня он жратвой обеспечен.

Он бессовестно врал, когда говорил нижнереченским, что умрет страшной смертью, как только от его воровства кому-то станет плохо. Это была отмазка. Не объяснять же правду, если заранее ясно, что тебя не поймут. Он *не хотел*, чтобы из-за него кто-то страдал, но разве растолкуешь это Ференцу Берде и другим пацанам из банды? Ференц и так считает его психом, а после такого откровения сразу побежит за смиренной рубашкой.

Общаясь с нижнереченскими, Рис держал дистанцию и пользовался их гостеприимством, только если голодал или замерзал и больше деваться было некуда. Они его принимали почти как своего... Точнее, им очень хотелось сделать его своим и извлечь из этого побольше выгоды, но он же *видел*, сколько мелких и крупных бед они причиняют тем, кого обкрадывают.

Все дело в магическом зрении. Ему достаточно сосредоточиться на человеке или на любой вещи, чтобы возникла призрачная цепочка вероятностей, и он забирал у других только то, что никаких плохих цепочек за собой не потянет.

Пропажа, которой не заметят. Или пропажа, о которой не пожалеют. Такие варианты всегда можно найти, хоть и приходится ради этого побегать по городу, погруженному в холодное серое марево сумасшедших снов и недобрых страстей.

За рынком – Веселая площадь в хороводе трактиров, цирюлен и чайных, размалеванных во все цвета радуги. Пусть штукатурка грязноватая, в потеках и пятнах, и краски выцвели, а настроение все равно карнавальное. Здесь выступают кукольники, жонглеры, песнопевцы, плясуньи, акробаты, но для них еще рано, и пока никого не видно, кроме старика с лютой.

Устроившись на перевернутом ящике под линияло-голубой стеной, тот перебирал струны и слегка простуженным баритоном пел о Хальноре Проклятом. Прохожие кидали монетки в поставленную рядом жестяную миску. Даже если накидают мало, барда все равно ждет тарелка бесплатного супа в любом из окрестных трактиров, как велит закон и обычай.

Рис уселся на другой ящик, отдохнуть и послушать. Это была не самая драматичная часть истории, до Марнейи еще не дошло. В песне рассказывалось о том, как родители отдали Хальнора к Унбарху в ученики, и он всех поражал своими способностями, а Тейзург однажды увидел его и решил украсть и напал в демоническом облике на школу Унбарха, но после грандиозной драки убрался ни с чем.

Завершалась песня зазывным куплетом, не имеющим отношения к древней трагедии:

Эй, вы, если не уснули —
Все, кому нужны кастрюли,
Приходите в лавку Хривы,
Что на близлежащем рынке!

Видимо, упомянутый Хрива за это приплачивал исполнителю.
– Хочешь есть?

Рис, проникшийся грустным настроением, не сразу понял, что вопрос адресован ему.
– Ага. Спасибо.

Старик нашарил в облезлой суме и протянул ему сваренную в мундире картофелину, потом начал звать в помощники:

– Голос у меня уж не тот, того и гляди весь выйдет, пора кого-нибудь взять. Я буду играть, а ты петь. Потихоньку и сам научишься, пальцы у тебя тонкие, в самый раз для лютни. С пустым брюхом не останешься!

– Я не могу петь. Совсем. У меня для этого голоса нет.

– А ну-ка, попробуй! Прибедняешься небось, потому что не уверен в себе, с молодыми оно часто бывает.

Рис продемонстрировал, как он поет, и бард вынужден был признать, что это и впрямь не голос, а хрип полузадушенной кошки.

– Эх, жалко... Лицо-то у тебя выразительное, поэтическое, если б еще и петь умел, никто не прошел бы мимо.

Рис об этом не жалел: у него другое предназначение, он должен стать не песнопевцем, а убийцей.

Убить Живодера. Если закрыть глаза, в бездонном и грязном городском лабиринте тот будет выглядеть, как черная клякса, подвижная, хищная, жадная до телесной и душевной боли. «Клякса» не испытывает ни злости, ни ненависти, ни обиды, только постоянный голод. Насытившись, она ненадолго становится равнодушной, а потом ей опять хочется есть. Тут все ясно, примитивная цепочка «голод – насыщение – голод», Рис не мог разобраться в другом: от «кляксы» отходит в разные стороны множество пульсирующих канатов, цепочек и нитей, соединяющих ее с другими обитателями Эонхо, причем с течением времени этих связей все больше и больше. Похоже на какой-то непонятный обмен. Что это значит?

Знаний, полученных за три года в Школе Магов, для решения задачи не хватало, но вполне может оказаться, что для окончательного уничтожения «кляксы» понадобится оборвать все нити до единой. Говорят, охотники за наградами уже несколько раз убивали Гонбера, а тот после оживал и убивал их. Рис собирался прикончить его наверняка.

Старик отхлебнул из помятой фляжки в матерчатом чехле, прочистил горло и снова запел. Ему не терпелось пообедать по-настоящему, в натопленном трактирном зале, поэтому он пропустил несколько эпизодов и сразу перешел к развязке. Рис поднялся с ящика. Дальше будет про Марнейю, он не хотел об этом слушать.

О том, как обреченный город охватило пламя, как стекленел от нещадного жара песок, занесенный на улицы из Подлунной пустыни, раскалывались каменные колонны, сгорали заживо люди и животные... На этом месте Рис всегда ревел, как маленький. Самым страшным и несправедливым было то, что Хальнор так и не смог их защитить. Да, он дрался за Марнейю, пока не упал, израненный и оглушенный, на мокрую от крови землю, но это никого не спасло.

Рис сглотнул горький комок и зашагал быстрее, вскоре голос старого барда рассеялся в уличном шуме. Чавканье слякоти под ногами, скрип экипажей, цоканье копыт, хлопанье дверей, ругань... У него зато есть пирог с рыбой! И Марнейя сгорела не вчера, а тысячу лет назад, эта история давным-давно превратилась в грустную сказку, и если он будет каждый раз, услышав эту сказку, хлюпать носом и смаргивать слезинки, убийцы из него не получится. Профессиональные убийцы не плачут.

Это соображение помогло успокоиться: если Рис собирается сделать то, что не под силу опытным головорезам, прежде всего он должен научиться держать себя в руках.

Впереди, за незатейливыми кирпичными постройками мещанского квартала, переливался под пасмурным небом красивый и опасный мираж. То есть для кого опасный, а для кого самое лучшее на свете убежище.

Через жилой квартал надо проскочить побыстрее, для бродяг-одиночек вроде него это гиблое местечко.

На узких тротуарах валялись гниющие овощные очистки, за мутноватыми кухонными стеклами топорщились зеленые перья лука, на вторых и третьих этажах под оконными карнизами болтались исклеванные птицами колбаски – приношения Харнанве, Псу Весенней Бури. Ветер их слегка покачивал, на зависть выбравшимся на крыши кошкам. Не в пример давно и безнадежно спятившему Псу Зимней Бури, Харнанва охотно принимал дары и не кружил с сумасшедшим тоскливым воем над человеческими городами, не сдирал своими страшными когтями черепицу с крыш, чтобы после гонять и швырять ее вместе с вихрями колючего снега. Это безумного Дохрау задабривать бесполезно, хоть целый кабаний окорок за окошко повесь, а с его братцами поладить можно.

Ага, все-таки нарвался. Трое юношей пятнадцати-шестнадцати лет – сверстники Риса, в отличие от него на зависть откормленные.

Так и свербит кому-нибудь навалить, но в глубине души каждый трусит: или, не ровен час, тебя самого отдубасят, или придется после развлечения откупаться от кургузов и судей – родители, скрепя сердце, деньги выложат, а по возвращении домой выпорют, как еще никогда не пороли, деньги-то кровные, нажитые... Поэтому к кому попало цепляться нельзя, однако сейчас подвернулось то, что надо: худющий парнишка, бедно одетый, однозначно из городской голытьбы. Напирать такому, пока ничего не стащил – святое дело.

Они стояли поперек мостовой и ухмылялись.

– Эй, ты! Чего здесь понадобилось?

Ну и придурки. Кто сказал, что он станет с ними разговаривать?

Рис ринулся вперед и, очутившись перед противниками, первому сделал подсечку, тут же крутанулся на месте, ударил второго локтем под дых и, продолжая движение, кулаком в подбородок. Спасибо, нижнереченские научили. Сразу отскочил, пнул по заднице третьего, нагнувшегося за гнилой картофелиной, тот упал на четвереньки в помойно-снежную кашу.

А теперь – рвать когти. Он не настолько силен, чтобы вырубить одним ударом здорового парня. Сейчас растерявшиеся от молниеносного нападения враги опомнятся и погонятся. Мимо просвистел камень, но до убежища рукой подать: впереди пасмурно сверкает, отражая облачное небо, сонная хоромина в несколько этажей.

Перебравшись через кучи мусора и обломки деревянной беседки, снесенной на исходе зимы прорвавшимся в реальность миражом, Рис взбежал по ступенькам. Две половинки двери из голубовато-сизого, как речная вода, стекла разошлись в стороны, открывая проход.

– Стой, дурак! – завопил позади кто-то из троицы, неожиданно для самого себя пожалев улизнувшую жертву. – Не лезь туда!

Рис шагнул внутрь, в зал с ковровым полом, створки за спиной закрылись. Тепло, вот здорово. Хорошо бы тут еще и вода нашлась.

Пятна засохшей крови, поначалу он принял их за части коричневого узора из кругов и треугольников. Значит, кто-то из домопроходцев здесь уже побывал, но наружу так и не выбрался.

Скоро Рис понял, что ему сказочно повезло. На последнем этаже он увидел ящик с горящими цветными бусинками и картинкой: чашка посреди россыпи блестящих коричневых зерен. Это даже лучше, чем такой же ящик с горячей и холодной водой. Вспомнить бы только, до какой надписи нужно дотронуться, чтобы получить канфу с молоком и сахаром. В своих снах про город Танцующих Огней он запросто читал все эти надписи, а наяву не умел, но, кажется, четвертая сверху... Ага, угадал. В нише появилась белая квадратная чашка с маленькой ручкой, из трубки сверху полился ароматный напиток. Чашку можно унести с собой и продать, они ценятся: с виду как фарфоровые, но не бьются, и хвататься за них не горячо – даже если налить кипятка, сама посуда останется чуть тепленькой.

Ференц однажды спросил, не хочет ли Рис стать домопроходцем. Нет, не хочет. Во-первых, придется иметь дело с магами, а он не собирается с ними связываться. Нечего было продавать его Сарабтенам. И к тому же «накаты»: если маги об этом узнают, его песенка спета – сцапают и начнут исследовать, это будет не лучше, чем попасть в руки к Гонберу.

Во-вторых, кто знает: вдруг, если Рис согласится превратить это в ремесло, волшебство закончится, и он больше не сможет заходить в любую сонную хоромину, словно к себе домой? В сказках сплошь и рядом так бывает, и не зря же говорят, что сказка ложь, да в ней намек.

Когда ему снился город Танцующих Огней, там нередко попадались похожие зеркальные дома. И там было столько всего интересного... В этих снах Рис видел себя то трусливым пацаненком, то подростком, как сейчас, то взрослым – крутящим воином-чародеем. А самое главное, он там был не одинок. Живые мама с папой. И друзья – настоящие, которые не бросят и не подведут. И самая лучшая на свете девушка. Да, если свести все воедино, это была целая жизнь, долгая, хорошая, с множеством событий, и Рису снились ее отдельные кусочки вразброс.

Может быть, эта жизнь должна была ему достаться, если бы его не увезли из города Танцующих Огней?

Два связующих звена между снами и явью.

Первое, там присутствовал человек, с которым Рис совершенно точно был знаком. Где и при каких обстоятельствах они сталкивались раньше – это он забыл, да и вспоминать не хотел. Тогда случилось что-то ужасное. Такое, что лучше умереть, чем пережить это еще раз, пусть даже мысленно. Во сне Рис не мог рассмотреть лицо того человека, отчетливыми были только глаза. Или даже не сами глаза, а взгляд. Если они когда-нибудь встретятся, этот взгляд он узнает сразу.

Впечатление, упорно цепляющееся за край, где заканчивается память и начинаются туманные дали неопределенности: человек из снов пытался его убить. Этот самый взгляд, усмешка, издевательское прощальное подмигивание – и короткий взблеск брошенного ножа. Убийце что-то помешало, клинок не долетел до цели, поэтому Рис остался жив. Где?.. И когда?.. Беда в том, что он себя помнил, начиная со Школы Магов в Эонхо, а что с ним было раньше – это спросите у кого-нибудь другого.

А второе связующее звено – Ренарна из легендарной дюжины, защитившей Темхейский перевал от полчищ ухмыров из ущелий Западной Явады.

Ренарна была самым горьким его разочарованием. Когда он впервые о ней услышал, сердце екнуло: это же наверняка воительница из города Танцующих Огней, одна из самых близких его друзей в той, снящейся жизни. С чего он взял? Вообще-то, оно само собой взялось, и он с ходу поверил, как маленький, а потом, опять же как маленький, чуть не разревелся, словно ему подсунили пустую обертку вместо конфеты.

Эта история произошла на второй год его пребывания в школе. Вместе с двумя старшими учениками его отрядили на хозяйственные работы к одной из столичных магичек. Тех, за чье обучение никто не платил, сплошь и рядом использовали в качестве домашней прислуги.

Благородная госпожа Венуста Лурлемот не была злой фурией, но ее педантичность, аккуратность и привычка к систематизации смахивала на легкое помешательство, поэтому загоняла она их так, что у всех троих ум заплетался за разум. Госпожа Венуста ждала в гости подругу детства – госпожу Ренарну, да-да, ту самую, поэтому чтобы все тут блестело, и чтобы коврики лежали по линейке, и чтобы шторы висели складочка к складочке, и обувь в прихожей стояла не кое-как, а красиво, иначе хозяйке дома будет стыдно перед гостьей, и она оставит малолетних магов-прислужников без сладкого на ужин.

Школярам к этому времени было наплевать на сладкое, лишь бы поскорее унести отсюда ноги, один Рис потрясенно распахнул глаза: Ренарна придет сюда, он увидит ее не во сне, а наяву? Она ведь тоже из города Танцующих Огней! По крайней мере, она там бывала, и можно будет спросить, где этот город находится, как туда попасть... Он с удвоенным рвением принялся за работу, не обращая внимания на подтрунивания старших учеников, а потом наступил вечер, он наконец-то ее увидел – и отшатнулся, как от оплеухи, ошеломленный и обманутый.

Она же выглядит не так, как в его снах! В отличие от обладателя взгляда, которого нипочем не рассмотришь, она ему снилась, как настоящая. Неужели он с самого начала ошибался? Да, в городе Танцующих Огней ее зовут вовсе не Ренарна, как-то иначе, но можно ведь называться другими именами, однако что касается внешности... Рис стоял столбом посреди прихожей и глядел на знаменитую воительницу, глотая слезы. Не такая, совсем не такая! У нее должны быть другие черты лица, другие волосы, глаза другого цвета... Сам виноват. Он ведь много раз слышал песни и баллады, посвященные Рен по прозвищу Тигровая Челка, там описано в подробностях, как она выглядит. Слышал, но пропускал мимо ушей. Сам себя заморочил, и обижаться не на кого.

Едва удостоив взглядом вытаращившихся мальчишек, воительница обнялась с Венустой, и они прошли во внутренние покои, из-за тяжелых бархатных пологов доносились затихающие голоса:

– Мне бы первым делом пожрать. Я прямо из порта, сошла на берег – сразу мордобой, как на заказ. Аппетит зверский.

– Сначала примешь ванну. Ты потная и грязная после драки, а на корабле наверняка с матросами обжималась... В таком виде за стол не садятся.

– Не с матросами, а с помощником капитана. И после драки я грязнее не стала, не меня же били, это я их. Вен, не будь занудой, дай хоть чего-нибудь перекусить перед ванной!

– Перед купанием не едят, это не полезно для организма...

Тем же вечером учеников отослали обратно в школу. Не оправдали доверия: и складки на шторах оказались несимметричными, и расстояние между стульями в столовой неодинаковое, с погрешностью почти в дюйм, да еще в коридоре на изразцовом подоконнике валялась дохлая муха! Госпоже Венусте больше не нужны такие помощники.

Уже после, став старше, Рис понял, что дал маху. Подумаешь, не та внешность... Сам он в этих снах тоже выглядит не так, как на самом деле. Мало ли, кто в каком виде снится? Тем вечером в прихожей у Венусты он допустил непростительную ошибку: перепутал видимость и суть. Поделом его все-таки исключили из Школы Магов.

Рыбный пирог и сладкая канфа с молоком – королевский обед. Дожевывая последний кусок, Рис неожиданно вспомнил о жрице Лухинь Двуликой с улицы Босых Гадалок. Старушка сказала, что он проклят. Стоит поговорить с ней еще, чтобы узнать об этом побольше.

Лухинь не злая, не из тех, кому нужны кровавые жертвы. Это богиня перемен, богиня прошлого и будущего, богиня времени. От проклятия неплохо бы избавиться, иначе «накаты» рано или поздно доведут его до беды. Достаточно, чтобы кто-нибудь подсмотрел, что с ним в это время творится, и неприятностей не миновать.

Может, заодно удастся и о принцессе что-нибудь выспросить? Рис не мог разобраться, почему она внушила ему такой панический ужас. Или, возможно, сработали охранные чары, которые берегут ее от всего на свете, в том числе от поползновений мелких воришек вроде них с Ференцем?

Сонный дом он покинул, когда за окнами начало темнеть. Отогревшийся, сытый, с чашкой в кармане. Те придурки, которые за ним погнались, давно ушли, но он все равно сразу бросился бежать, чтобы не нарваться на других таких же.

Лавка диковинок на улице Масок все еще не закрылась. За чашку заплатили вполтину меньше, чем Рис рассчитывал, но все равно выручка.

До улицы Босых Гадалок он добрался уже в потемках. Чем ближе подходил, тем больше становилось не по себе. Свет масляных фонарей казался тоскливым, как вой потерявшейся собаки, а черные в золотых бликах лужи смахивали на ловушки: наступишь в эту водицу – сразу провалишься с головой и больше не вынырнешь.

Фонари и лужи тут ни при чем. Что-то не в порядке там, куда он идет.

Вот и дом, в котором он побывал в прошлый раз вместе с Ференцем. Ни одно окно не светится. Напротив, немного наискось, дом старой жрицы, тоже крошечная темнота.

Рис долго стучал и в ту, и в другую дверь, хотя и понимал, что это бесполезно. И дрожь его колотила вовсе не от холода.

– Померли они, – объяснила выглянувшая на шум соседка. – Сначала Леркавия, за ней Хия. Чего тебе надо?

– Кто их убил?

Пришлось повторить вопрос, женщина с первого раза не расслышала.

– Да не было никакого разбоя, мертвых нашли – Хию на кухне возле плиты, Леркавию на лестнице. А с чего они вдруг преставились, одному Вышивальщику Судеб ведомо... Ступай отсюда.

Словно испугавшись, что невзначай сболтнула лишнее, она попятилась и захлопнула дверь.

Неподалеку находился целый квартал сонных хоромин. Проверенное убежище, там до тебя никто не доберется. Рис долго не мог сомкнуть глаз и мелко дрожал, свернувшись на матрасе, похожем на громадный пласт белой пастилы.

Он *знал*: Леркавия и Хия умерли из-за него.

К обеду плотники перестали стучать молотками и начали конопатить щели. Густой приторно-терпкий запах смолы дерева лиджи растекался над берегом, впитывался в одежду и волосы.

Зря старались. Не потому зря, что ничего не получится, а потому, что незачем. Лиузама могла бы пуститься в плавание по морю хоть в дырявом корыте, все равно не утонет.

Нанятые в Мизе мастера о таком дорогом заказе даже мечтать не смели, но причина их усердия крылась не только в этом: за время упадка Ивархо руки истосковались по работе.

Гаян и Лиум сидели в тени наспех сколоченного навеса, под тентом из куска парусины. В стороне, над костром, жарилась на вертеле обвалившая в специях рыба.

– Я решила, как поступлю с Верхними Перлами. Я их прокляну, чтоб вовек не было там ни счастья, ни достатка. Ты слыхал о Башне Проклятий в Кариштоме? Если кого-то проклясть с той башни, все сполна сбудется, и ни один маг ничего супротив не сможет. Только сперва надо принести магам-сторожам богатые дары, но я-то не поскуплюсь, возьму с собой полный сундук золотых монет и драгоценных камней! Небось довольны останутся.

Ни о чем не может думать, кроме своей мести. Если б Гаян был таким, как она... сейчас он был бы не Гаяном – неприхотливым бродягой без прошлого, а совсем другим человеком. Или, вероятнее, не человеком, а трупом.

В Лиузаме угадывался стальной стержень, спрятанный под рыхлой и неуклюжей оболочкой. Цель – найти пропавшего брата, расквитаться с Верхними Перлами, и она будет пробиваться к своим целям сквозь любые преграды, как бы наивно и печально ни смотрели на мир ее небесно-голубые глаза. А у Гаяна давным-давно нет стержня. Когда-то был, но его разломали на мелкие кусочки.

– Расскажи о себе. Кто такой, из каких мест... Я же ничего про тебя не знаю.

Вопрос настолько впопад, что Гаян вздрогнул.

– В моей жизни не было ничего такого, о чем стоит говорить.

Чуть не произнес «ничего интересного», но что-то помешало соврать. Постороннему слушателю его история показалась бы весьма интересной, хоть за деньги перед публикой выступай, отбивая хлеб у сказителей.

– Это нехорошо. Ты обо мне много всего знаешь, а я о тебе – нет. Или, может, ты беглый каторжник, вор?

– Хуже вора. Говорят же, что простота хуже воровства.

– Ты похож не на простака, а на мужчину, который себе на уме. Я тебя немного боюсь. «Я тебя тоже немного боюсь, Морская Госпожа».

После недолгих размышлений Гаян капитулировал. Ознакомить ее со своей биографией в общих чертах, без имен и подробностей, это снимет лишние вопросы, а то еще неизвестно, к чему приведет недосказанность. К тому, например, что в Эонхо с Лиузамаи станется кого-нибудь нанять, чтобы установить его личность. И ведь установят, что самое смешное!

– Когда-то я был восемнадцатилетним идеалистом. Родители рано умерли, и я остался один на один с прабабкой...

– Кем-кем ты был?

– Наивным щенком. Прабабка относилась ко мне прохладно, хотя я в то время ее любил. Она была моей опекуной. Имущество нашей семьи, связи, влияние, обязательства – все это у нее под контролем, причем при жизни родителей картина была та же самая. Прабабка давно все прибрала к рукам и держится, как за свое, но я по ряду причин не захотел с этим смириться.

– Ты из благородных, верно?

– Вроде того. Как ты догадалась?

– Закер так думает, – простодушно объяснила Лиузамаи.

«Вот как... Пожалуй, в Эонхо лучше не отрицать, что я принадлежу к дворянскому сословию. Из захудалого рода, все распродано с молотка за долги, славное имя вслух не называю, чтобы лишний раз не позорить. В Ругарде таких индивидов пруд пруди».

– Во мне выиграла гордость, я начал совать нос в прабабкины дела и настаивать на своих правах, поскольку формально все принадлежало мне. Решил отстранить ее от дел, чтобы самостоятельно разобраться со всем хозяйством, но плетью обуха не перешибешь, и в результате разобрались со мной.

– Эта злая старушка выгнала тебя из дома? – с сочувствием предположила Лиум.

«Если б я только намекнул, кто такая «злая старушка», и кем был твой покорный слуга, и на что он замахнулся... Наверное, тогда бы ты смотрела на меня не с жалостью, а с одобрением. Но хоть я и ринулся в бой с азартом щенка, атакующего груженную дровами подводку, изменить ничего не смог. С изъявлениями признательности, пожалуйста, не ко мне».

– Не просто выгнала. Меня заставили подписать официальный отказ от любых притязаний. На тот момент убивать меня прабабке было не с руки, но она позаботилась о том, чтобы я не захотел вернуться домой и повторить попытку. По ее приказу меня спровадили подальше, до границы с Саргафом, и всю дорогу угрожали, что я покойник, если вернусь в Эонхо и примусь за старое.

– И ты уступил?

– Иначе меня бы прикончили.

«Как прикончили моих друзей и тех, кто так или иначе нас поддерживал. Все, на что меня хватило – это гордо швырнуть прабабкин кошель под ноги ее доверенному мерзавцу, который отвечал за мое выдворение из Ругарды. Тоже дурацкий жест: никому, кроме меня, от этого хуже не стало».

– А что случилось дальше?

– Я болтался по приграничному краю и с переменным успехом пытался зарабатывать на жизнь. Выяснилось, что оружием я владею не ахти как, и никто не горел желанием взять меня в охрану, зато умение писать и считать оказалось востребованным, я стал писарем у зажиточного скотовода. Так прошло около года, а потом в те края занесло одну воительницу...

«Неловко вспоминать, но познакомились мы при еще каких романтических обстоятельствах: Рен отбила меня вкупе с хозяйским добром у шайки разбойников на большой дороге. Она завалила двоих. Еще одного, самого хилого, худо-бедно вырубил я, иначе впору бы сквозь землю от стыда провалиться. Четвертый удрал. После чего благородная героиня и спасенный юноша отправились в усадьбу, и хозяин на радостях нанял Ренарну разобраться со скотокрадами. Я начал набиваться в помощники, она неожиданно согласилась, и когда заказ был выполнен – мое участие заключалось в том, что я путался у Рен под ногами, – в Саргаф мы поехали вместе. Это, пожалуй, самый светлый отрезок моей жизни... Лучше детства, лучше всего остального».

– Ей нужен был оруженосец, и на эту роль я годился: содержать в порядке оружие умел с отроческих лет, ухаживать за лошадьми научился, пока батрачил у скотовода. За то время, что мы с ней были вместе, я освоил множество полезных вещей, стал неплохим бойцом... Потом мы расстались.

«Рен сказала, что я больше не мальчик, и мне пора отправляться в самостоятельное плавание. Я не хотел прощаться, но она была непреклонна. Ни за что не потерпит рядом с собой мужчину, который будет претендовать на главенствующую роль. Повернется и уйдет. И опять подберет какого-нибудь жалкого юнца, будет о нем заботиться, поможет стать сильным, а после все повторится по новому кругу. Идеальная старшая сестра... Быть мужней женой она категорически не хочет и всегда уходит вовремя. Вначале меня, брошенного, поедом ела обида, но со временем я оценил то, что сделала Рен: вернула мне веру в собственные силы. Это по крупному счету важнее, чем выяснение отношений между мальчиками и девочками, хотя в ту пору я так не думал».

– После школы у той воительницы я подался в наемные охранники. Бродяжил по свету, побывал в кажлыцких степях, там и получил нынешнее имя. На Ивархо приплыл за своей любовью. Певичка из театра. Она уверяла, что любит меня, и на тот момент говорила правду, но моменты меняются, и чувства, соответственно, тоже, а я, как обычно, поумнел слишком поздно.

– А мне бы Кевы найти... – вздохнула Лиузама после паузы, умиротворенной и затяжной, как растекшийся над берегом смолистый аромат, смешанный с запахом специй и шкворчащей над огнем рыбы.

Можно надеяться, услышанного ей хватит, и больше она не будет приставать с вопросами.

Со второй попытки поднявшись на ноги, Лиум вперевалку подошла к костру, перевернула вертел и снова грузно уселась на охапку высохших водорослей. С движениями у нее все еще обстояло неважно, в особенности с координацией. Удивляться нечему, ведь последние десять лет она прожила, то ли прилепившись к рифу, словно морской анемон, то ли ползая по темному илистому дну, как морская звезда.

– Скажи-ка, ты много повидал страшного? По-настоящему, чтобы все поджилки затряслись?

– Случалось.

– Я вот однажды видела истинный ужас, и совсем близко. Сама не знаю, как не обмочилась и не поседела, но вовек того страха не забуду.

Сейчас Лиум наконец-то расскажет о своей подводной жизни! Гаян весь превратился во внимание – пусть он давно уже не страдал излишним любопытством, мимо такой редкости не пройдешь – однако продолжение его разочаровало.

– Мама тогда скинула с перепугу. Если б они нам на глаза не показались, небось доносила бы до девяти месяцев, и он бы рос не таким тощеньким и слабеньким, кровиночка бедная...

– Кто – они? – перебил Гаян, заопасавшись новой истерики.

– Болотные псы Тейзурга. Вот уж страх так страх!

Любопытство, пренебрежительно махнув пушистым хвостом, направилось было к своей норе, но при упоминании о легендарных тварях развернулось и замерло в охотничьей стойке.

– Ты их видела?

– О чем и толкую. Мы тогда бежали от солдат герцога в Лежеду, на заповедное зачарованное болото, где всегда стоит теплынь. Зачем супостаты за нами погнались, никому не ведомо. Небось Вышивальщик сослепу ткнул своей иглой не туда, куда нужно. Право слово, не было у нас ничего ценного, ни золота, ни волшебных вещей, за какими стоит гоняться в охотку. Нас пугнули – мы похватили свои пожитки и пошли, а они давай нас преследовать. Может, все потому, что вел их Гонбер Живодер, и ему было мало чужую землю захватить, хотелось еще поубивать прежних хозяев да кишки на заборах развесить. Герцог Эонхийский, толкуют, сам мараться не любит, только с воинами сражается, но по мне, ежели подлые дела творят по указке твои подручные, все одно будешь замаранный. В глаза бы ему плюнула... Идем мы, значит, идем, бабы с ребятишками, девки, мальчишки, старики, а мужики да парни оборонять наш побег остались и все полегли. Впереди будто гора туманная выше леса – это заповедное болото, полог из зачарованного тумана от любой непогоды его укрывает. Говорят, сам Дохрау помогал Тейзургу соткать тот полог, еще до того как умом рехнулся, поэтому зимние бури то место обходят стороной.

Лиузама успокоилась и заговорила нараспев, словно рассказывала сказку:

– Нам было не убежать, еще чуть-чуть – и настигнут. Шаман тогда сказал: пошли на болото, у Стража защиты попросим. Для паломников, что приходят камышовым котам песни петь, гать настелена, вот по ней мы и потащились из последних сил. И все поем, как велел шаман. Вразнобой, зато от души. Даже, знаешь, как-то весело стало. Смеркается, направо-налево топи, черные деревья, как будто мохнатые, верхушками в туман уходят, блудячие огоньки мерцают... А мы поем, кто чего помнит про Хальнора Проклятого, все равно что рыночный ор или кошачий концерт по весне, да молим о помощи, чтобы спас нас от Живодера. И ведь казалось, еще чуть-чуть – и он услышит, очнется от своих кошмарных снов, сбросит рысью шкуру и выйдет нам навстречу в человеческом облике. Мальцы друг перед другом храбрились: мол, если их поведет в бой Страж Мира – все за ним пойдут, и тогда врагам несдобровать. А девки наши, дуры, чуть между собой не передрались, потому что заспорили, какая из них Хальнору приглянется. Он же, говорят, был очень пригож собой, вот они и давай загодя его делить, пока шаман не осерчал и не сказал им петь, а не собачиться. Я-то еще маленькая была, десяти лет, шла рядом с мамой, помогала тащить узел с добром и звала Хальнора на выручку. Сколько ни старались, не услышал нас Камышовый Кот, а позади поднялся переполох – супостаты следом полезли, настигают. Безусые парни, которых староста с нами для охраны отрядил, остановились поперек гати, да какие из них вояки... Выкосили, как траву, но тут из темени вышли болотные псы Тейзурга. Ох, какой страх, от одного вида кровь мертвеет...

Она поежилась, словно ледящее дуновение того страха догнало ее даже здесь, на затерянном в тропиках острове.

– И в толк не возьму, с чего их называют псами? На собак-то они похожи не больше, чем морские коньки на лошадь. Ростом велики, в холке повыше человека, тощие, как скелеты, изгибистые, как змеи, а шерсть навроде серого клочковатого тумана. Глаза горят зелеными гнилушками, на лапах когти, словно загнутые ножи, морды отвратные, зубы – вот такие белые иглы. Я пытаюсь тебе рассказать, какие они, но это все не то, их надо увидеть. И запах страшный. Или это на самом деле был не запах, а ужас, до того густой и текучий, словно бы он был мерзким запахом? Я запуталась, да? Я же не сказительница... Про некоторые вещи говорят – словами не описать, вот и про них то же самое. Кто их однажды узрел, навсегда останется словно укушенный этим ужасом. Они охраняют камышовых котов, один из которых – забывший себя Страж Мира, и от людей хоронятся, но тогда на священном болоте пролилась кровь, учинили раздраз, это их рассердило. Мы сбились в кучу, повалились на колени, голосим, плачем. Шаман крикнул, чтобы все молились Хальнору, тогда нас не тронут. Ну, понимаешь, сам-то он, может, и не услышит, зато чудища услышат. Тейзург ведь их оставил здесь для того, чтобы они Хальнора от недобрых гостей оберегали – так пусть увидят, что мы не разбойники. Гаян, я догадалась: они сторожат заповедное место, а если сторожевой – значит, пес, потому и зовут их псами, верно? Солдаты герцога давай из арбалетов лупить, а им нипочем. Гонбер тогда скомандовал отступать, да перед этим гать и торф поджечь, и сам кидал огненные шары – в нас, в деревья, в болотных псов. Он, говорят, когда напится досыта человеческой болью, становится вроде мага. Я-то его за чужими спинами не видела, а те, кто разглядел, сказывали потом, что с виду ни дать ни взять обыкновенный человек. Слушай дальше, начался пожар, да только оказалось, что твари Тейзурга в своих владениях с чем угодно сладят. Как завыли хором – и тогда все пламя собралось, закрутилось вихрем и пошло на супостатов, а вода по сторонам от гати начала бурлить и выплескиваться, ровно кто ее снизу баламутил. Нас тоже окатило вонючей грязью, и это было в самую пору, а то у иных и одежда, и волосы загорелись. От этих выплесков все скорехонько погасло, но вокруг была сушья жуть: все перемазаны, кто раненый, кто обожженный, пахнет гарью и болотным нутром, ночная темнотища, только у псов, которые совсем и не псы, бледные глаза светятся. А на гати, уже далеко от нас, трещит и пляшет рыжий вихрь, выметает с заповедного болота захватчиков. Говорят, Гонбер от огня тиканул, как мальчишка-пакостник с чужого огорода, а из его солдатни мало кто ушел, почти всех спалило, не добежали. Об этом я уж потом услышала, в Набужде, а тогда, на горелой гати, ничегошеньки не думала, только дрожала, ревела и звала Хальнора. Мама упала, я давай ее поднимать, но поднять не могу, мне сперва было невдомек, что у нее схватки начались. И только когда псы перестали выть и ушли с глаз долой и наши бабы с девками утомились голосить, я заметила, что у мамы под юбкой что-то шевельнулось и тоненько-претоненько пищит, как слепой котенок. Повитуху кликнули, то да се... Мы на том месте просидели, пока светать не начало, потом побрели до поляны, где часовня и хижины для паломников, поблагодарили за свое избавление. Тех чудищ мы больше не видели, и камышовых котов ни одного не видели. Шаман наш на бра-тика посмотрел, нарек именем Кеврис, вырезал ему из дерева амулет и сказал, что возьмет в ученье, когда тот подрастет. Эх, вот было бы хорошо, кабы так и сложилось... Погиб наш шаман вскорости. В поединке погиб. Мы ушли из Лежеды по другой гати, и снаружи, на большой дороге, нас поджидал Живодер. Он не прощает, если кто пытался его убить, но ужасным псам Тейзурга не отомстишь, другое дело мы. Шаман тогда вышел ему навстречу, нам всем велел убежать. На прощанье особенно наказал Кевриса беречь, а мы не уберегли...

Гаян стиснул зубы, готовясь к новой порции слезных причитаний, но в это время из-за сверкающих малахитовых зарослей вышли два человека, две знакомых физиономии, и Лиузама, заметив их, озабоченно пробормотала:

– Рыбы-то нашей хватит ли на всех? Чай, должно хватить, большая...

Закер и Айвар. Они набрали по охапке водорослей, похожих на ленты высохшей кожи, и устроились напротив.

– Разделите с нами трапезу? – предложил Гаян.

Без промедления, пока Айвар не решил, что угощение надо заработать, и не начал драть глотку.

Нежная мякоть под хрустящей солоноватой корочкой. Костей немного, отходят от хребтины толстыми отростками. Пшеничные лепешки из дорогой привозной муки. Легкое вино из ивархийского фрукта сохьюло, похожего на глянцевое лимонно-желтое сердце.

Как будто всего этого мало – нет же, Закеру для полноты удовольствия понадобился еще и диспут на вечную тему: прав ли был Хальнор Проклятый, взявшись защищать обреченный город? Все равно ведь Марнейю вместе со всем населением стерли с лица земли, одни обугленные руины в пустыне остались, и даже если забыть о том, что мир Сонхи в результате лишился Стража, это была ненужная жертва, а вы как считаете? И все в этом духе.

Гаян на провокацию не повелся, а песнопевец, к вящей радости оппонента, начал подыскивать возражения. Закер набрасывался на его аргументы с восторгом кота, перед которым таскают по полу бумажку на веревочке.

– ...Решение Хальнора было бессмысленным даже с точки зрения милосердия. Что дал его поступок жителям Марнейи? Незначительную отсрочку, только и всего, так какая им разница, защищал их кто или нет, если все равно всех убили?

– Неправда. Была им разница.

Возразил не Айвар, в тот момент откусивший от лепешки, а Лиузама, прежде молчавшая.

– П-почему? – от неожиданности Закер поперхнулся.

– Потому что кто-то пришел им на помощь. Они были никому не нужны, даже своему правителю, а Хальнор стал их защищать, разве непонятно? Да если б за меня хоть кто-нибудь заступился, когда Верхние Перлы задумали принести жертву, для меня бы все было по-другому... Да я б этого человека сейчас нашла и озолотила! Не понимаете? А еще умные... За меня тогда никто не вступился, кроме Кеви, который с ножом кинулся на Обавия, но я сейчас не о нем, потому что мы родная кровь, а со стороны – никто, ни единый человек. Словно весь мир вокруг был пустой, и это, право слово, похуже воя тех болотных псов, о которых я тебе, Гаян, рассказывала. А к ним в Марнейю пришел Хальнор, и для них мир был не пустой, несмотря на огонь и смерть. До сих пор, что ли, не поняли?

Гаян кивнул. Кажется, уловил, что она хочет сказать: мир пустой, когда народу вокруг полно, а в беде рассчитывать не на кого.

Гости отобедали и ушли. На закате старший мастер доложил, что корабль готов. Ага, корабль... Плоскодонная посудина с фальшбортом по пояс и просторным приземистым домиком посередине. Ни паруса, ни весел, зато в носовой части сияет множество начищенных металлических скоб: к ним будет привязана упряжь, потому что лоханка эта – гужевого транспорта. Гаяна передернуло, когда он подумал о том, *кто* повезет их по морю. Зато шторма и туманы будут обходить их стороной, и Лиум обещала волшебное питье, ослабляющее морскую болезнь. Такую прогулку можно вытерпеть. Бывали прогулки и похуже. К тому же еды и пресной воды вдоволь, с изрядным запасом.

– Думаешь, мы вдвоем все это съедим?

– Втроем, – поправила Лиузама.

– А третий кто?

– Один хороший человек. Если я поплыву, как Морская Госпожа, с подводными тварями в упряжке, мне дозволено взять с собой родни сколько наберется, а чужих людей только двоих. Вот я и подумала, чего ж не позвать доброго попутчика? Он давно хочет перебраться в Ругарду.

Она не сказала, о ком речь, а Гаян не спросил. И напрасно.

Утром, когда он продрал глаза и выполз из шалаша, посудина уже покачивалась на волнах прибоя. Вокруг, поблескивая черной чешуей, возились амфибии из выводка Лиузамы: одни придерживали деревянную махину, другие прилаживали к скобам длинные ремни с уздечками.

В стороне толпились провожающие. Плотники из Мизы, которым хотелось увидеть, как их детище поплывет. Закер со своими хворыми родственниками. Кто-то еще, кого Лиум успела облагодетельствовать. Айвар с лютней в футляре и потрепанным мешком за спиной. Особняком, в неопрятной серой мантии – Хамфут Дождевик, явившийся посмотреть на из ряда вон выходящее событие. Несколько любопытствующих жрецов. Зеваки из города, среди них наверняка затесался нанятый Перлами соглядатай.

– И где наш третий? Опаздывает?

– Да вот же он! Спозаранку пришел, наперед всех.

Айвар?.. Что ж, если она поставила условие, что он будет нем, как рыба, иначе сам пойдет на корм рыбам...

– Он нам всю дорогу будет петь, – счастливо сообщила Лиузама.

– Какого... Зачем?

– Хочется мне очень еще про Хальнора послушать. Все-все, от начала до конца, и по многу раз за день, чтобы слово в слово запомнилось. Запала мне в душу эта история. Если б такой, как Хальнор, был в деревне Верхние Перлы, он бы не позволил ни меня утопить, ни Кеви в рабство продать. Айвар знает много песен и поет славно, громко... Повезло нам с попутчиком, правда же, Гаян?

Значит, у нее абсолютно нет слуха. Гаян с тоской посмотрел на блистающий океан. Плавание обещало быть нескучным.

Пегое предместье встретило Тибора заунывными криками лудильщиков, галдежом малолетних попрошаек и собачьим лаем взახлеб. Попрошайки клянчили у доброго господина монетку, собаки облаивали троллей. Обычный аккомпанемент.

Пестрые дома лепились вдоль широкой, но не мощеной улицы вкривь и вкось, уводящие вглубь извилистые переулки наводили на мысли о засадах и непотребных приключениях. Приличному человеку тут ловить нечего, но Тибор с оравой своих троллей не принадлежал к категории приличных людей.

Он повернул в закоулок, к линияло-красному двухэтажному строению под вывеской «Червонный замок». На вывеске намалевано что-то зубчатое с башнями, рядом любовно изображен таких же размеров окорок. Как хочешь, так и понимай.

В полутемном зале пахло мясной похлебкой. За окнами в мелкий переплет сквозили какие-то очертания – больше ничего не скажешь, до того грязные стекла.

Из недр заведения вышел худой старик в стеганом кажлыцком халате с торчащей из прорех пожелтелой ватой.

– Здравствуй, дед Гужда.

– И ты здравствуй, Тибор. Опять с оглоедами своими пожаловал? Где ж на них всего напасешься...

– Не вопрос.

Тибор бросил на стойку увесистый кошелек, дед тут же схватил его цепкой сморщенной лапкой.

Немногочисленные утренние посетители друг за дружкой потянулись к выходу, дожывая на ходу и стараясь держаться на расстоянии от оглоедов, ввалившихся в «Червонный замок» следом за Тибором. Старый Гужда, наблюдая эту картину, осуждающе покачал головой. Внакладе он не останется – после отбытия опасных гостей завсегда и вернуться, а доход

за ближайшее время будет втрое больше, чем при обычном раскладе, даже с учетом сволочной привычки Тибора проверять счета, – но все равно не мог сдержать неодобрения.

Внутренняя комната, обитая кажлыцкими коврами, изъеденными молью до белесых залысин, за минувшие полгода ничуть не изменилась. Окно еще мутнее, чем в общем зале. Из стены выпирает раскаленный бок чугунной печи.

Служанка принесла подогретого вина с пряностями, перечных колбасок, лепешек с толченым орехом и сыром.

– Стало быть, жди беды? – отхлебнув вина, прищурился дед Гужда.

– Какой беды? – флегматично отозвался Тибор.

– Раз ты приехал – значит, кому-нибудь несдобровать.

– Не тебе ведь, – хмыкнул гость. – Тебя, дед, никто не трогает. Главное, ребят моих хорошо корми.

– Это уж да, твоих ребят не покорми, так они самоуправно кого хошь слопают без соли. Вели им не безобразить, чтобы люди не обижались, а то мне с соседями ссориться не с руки. Это тебе хоть бы что – сегодня здесь, завтра там... Дворянином-то еще не заделался?

Тибор молча усмехнулся. Дворянское звание для не шибко любимого младшего родственника было заветной мечтой деда Гужды. Наверное, чтобы после хвастать перед теми же соседями.

– А чего так? Неужто не сподобился за свою бесчестную службу?

– Дед, я никому не служу. Я работаю по найму.

– Нанимает-то тебя не абы кто. И слышал я, что платят тебе поболее, чем всякому другому такому же.

– От кого слышал? Хороши у тебя колбаски...

– Так людской болтовней земля полнится. Слышь, если бы ты присягнул кому надо, из тех, то есть у кого до тебя нужда, и получил бы за это благородное звание... Разве так нельзя?

– Можно. Но не нужно.

– Кому не нужно?

– Мне. Имел я их всех. Они платят, я выполняю оплаченную работу, и пусть радуются, а *служить* я согласился бы разве что самому Хальнору.

– Куда загнул... Не боишься, что Вышивальщик тебя услышит? Он ведь безглазый, но не глухой. Как поймает на слове, и тогда придется тебе, Тибор, лоток с кошачьим дерьмом выносить да водицу в миске менять, потому что Хальнору Проклятому никакая другая служба нынче не требуется.

– Ничего не имею против, – ухмыльнулся Тибор.

Вполне может стать, что для выполнения очередного щекотливого поручения ему придется влезть в шкуру прислуги при каком-нибудь зверинце. Камышовых котов если содержат в неволе, то в королевских условиях, хотя что бы звери болотные понимали в серебряной посуде и бархатной обивке, которую они когтями дерут без зазрения совести.

Кстати, о поручениях. Пора на встречу с персоной, соизволившей пригласить его в Эонхо по конфиденциальному делу. Боги, тошно-то как... И напиться категорически возбраняется, не тот случай.

Мунсырех, старый шаман, задремал, еле уместившись в огромном кресле в углу. Остальные тролли, разбившись на четыре компании, резались в шагды, залихватски щелкая по столам узорчатыми деревянными плитками. Чем бы ни тешились, лишь бы не пошли по округе колобродить. Тибор поступил практично, приехав к несложным интеллектуальным играм.

Окликнув Онгтарба, вожака, он попросил, чтобы до его возвращения или до пробуждения шамана никто из трактира носа не высовывал, и отправился на встречу.

Столица за время его отсутствия не изменилась, да и куда ей меняться? Все так же холодно блестят под пасмурной облачной пеленой серебристые кровли и шпили в центре города, все те же толпищи народа на улицах и загаженные голубьями статуи на перекрестках, все та же грязь. Среди многоэтажных доходных домов и вычурных дворцов даже сонные хоромины не особенно выделяются.

Тибор остановил наемную коляску, доехал до Денежной площади и оттуда, мимо обнесенного неприступной стеной Монетного двора, мимо аляповатых, как театральные декорации, купеческих особняков – до белого аристократического квартала с изысканным названием Ландышевый Вертоград.

Слуга сказал, что о нем будет доложено, а пока господин может принять ванну, отужинать, посидеть в библиотеке. Как обычно. Ванна и библиотека – это хорошо. В ущельях Явады, где он с середины осени рыскал со своими троллями, выслеживая и истребляя ухмыров, ни того, ни другого не было.

Когда стемнело и заплясали огоньки свечей, отражаясь в сусальном золоте потолочных карнизов, в душу заползла тоска. Тоже как обычно.

Тоска бывает разная. Тибору досталась грязновато-зеленая, липкая, холодная, с омерзительным привкусом. От нее только одно спасение – напиться до невменяемого состояния, но для этого не время и не место.

Впрочем, Тибор давно уже с ней свыкся.

На следующее утро за ним прислали закрытый экипаж. К средству передвижения прилагался длинный плащ с капюшоном, в этом одеянии его можно было принять за монаха или за палача.

Типичный эонхийский двор-колодец, стены до того обшарпанные, что приходит на ум «мерзость запустения» и прочее в этом роде. Добела выцветшая, в потеках, штукатурка местами обвалилась, открывая темную кирпичную кладку – словно прорехи на застиранном исподнем белье. Под стеной шеренга помойных баков, возле остановилась длинная телега. Мусорщик с подмастерьем орудуют лопатами, за ними присматривают четверо стражников и некто в ливрее. Улицы не видно, внешние ворота наглухо закрыты, внутренние настезь, в полумраке под аркой поблескивают алебарды.

Если не иметь представления, где находишься, впечатление о здании с такими задворками сложится самое неважноецкое, но Тибор этот дворик узнал сразу, он бывал здесь раньше.

Надвинув капюшон, чтобы мусорщики и тот, в ливрее, не разглядели физиономии, он нырнул следом за провожатым в низкую дверцу. Черная лестница. Потом лестница попригляднее, с лакированными перилами. Потом совсем роскошная: белый мрамор, пузатые фигурные балясины.

Кабинет на третьем этаже, окно во двор – не туда, где помойка, а в другой, с фонтаном. Этих внутренних двориков здесь, что дырок в сыре. Фонтан, до краев полный мутной талой воды, не работает, не сезон.

Ждать пришлось недолго. Скрипнула дверь, и в кабинет вошла вечно юная принцесса Лорма.

Теперь Тибор окончательно уверился в том, что дело дрянь. Не для него, впрочем, для кого-то другого. Из разряда «как обычно»: принцесса вспоминает о нем, когда возникает нужда в жестокой и грязной работе. Для более-менее чистой работы у нее есть придворные, гвардия, тайный сыск... А для всякой несусветной дряни – Тибор.

По древнему закону, прялка не наследует ругардийскую корону, поэтому Лорма была регентом. Стоит добавить, бессменным регентом. Герцог Эонхийский, ее союзник и любовник, проявил себя не только умным советником, но еще и магом незаурядной силы. Сколько ему лет, один Унбарх в курсе. Это не красное словцо, герцог и впрямь когда-то был его учеником, ради чего добрался до подземной твердыни в далеких знойных краях, где Унбарх

укрылся от бешеного Пса Зимней Бури. Тот, как известно, поклялся порвать ему глотку, на чем и спятил, ввиду недостижимости поставленной цели. Многое постигнувши, герцог оттуда сбежал, захватив с собой кое-какие артефакты. Мало находилось таких, кто его за это осуждал и сочувствовал Унбарху: палач Стража Сонхийского еще не того заслуживает. Другие адепты время от времени начинали охотиться за вероломным отступником, но заканчивалась игра каждый раз не в их пользу. Принцессе Лорме, любимой ученице герцога, сейчас сто тринадцать лет, и регентом она стала примерно полвека назад.

Тибор смотрел на нее без желания, но с долей восхищения: разящая красота, которая никого не оставит равнодушным.

– Я хочу, чтобы ты убил одно вредоносное существо.

Боги свидетели, что он в ней безусловно ценит, так это способность говорить о важном без экивоков.

Склонил голову: будет исполнено. О цене заикаться незачем, специфические услуги Тибора ее высочество всегда оплачивает щедро.

– Его надо уничтожить, не оставив ни малейшей лазейки для возвращения в мир живых. Действуй так, словно имеешь дело с магом высшего уровня или с демоном особо опасной разновидности. Вот задаток.

Тонкие фарфоровые пальчики извлекли из вышитой золотом бархатной сумки для рукоделия туго набитый мешочек.

– А это его досье и портрет. Посмотри.

На стол рядом с тяжело звякнувшим мешочком легла сафьяновая папка. Исписанный бисерным почерком лист бумаги – тощенькое досье. Две пластинки, похожие на матовое стекло: одно и то же лицо анфас и в профиль, на заднем плане крикливо пестрая мещанская комната с претензией на достаток.

Тибор уставился на запечатленное лицо, как на ребус. Можно поручиться, никогда раньше не видел, потому что если б увидел, наверняка бы запомнил. Что-то непонятное, с первого же мгновения... Сразу цепляет и не отпускает.

Удержавшись от дурацкого вопроса «это кто?», начал читать эпистола. С нарастающим удивлением. Перечитал во второй раз, поднял глаза на Лорму, усевшуюся в кресло у окна.

– Что скажешь?

– Ваше высочество, вы бы меня еще наняли, чтобы комара прихлопнуть!

– Речь идет о личинке, из которой должен вылупиться ядовитый комар, – невозмутимо ответила принцесса. – И прихлопнуть ее надо вовремя, пока не стало поздно. Вас будет четверо. Задаток получил каждый, вторая часть гонорара достанется тому, кто выполнит задание. Самое сложное – выследить и захватить врасплох.

Это Тибор уже уразумел из досье.

– Ваше высочество, если мне подскажут, где и когда его запечатлели, это, возможно, облегчит мою задачу.

– Он побывал в доме, где есть магическое зеркало, запоминающее отражения. Это тебе не поможет. Дом недавно сменил хозяев, так что он вряд ли придет туда еще раз. Если ты его просто убьешь, получишь тысячу золотых рафлингов. Если принесешь мне его сердце – десять тысяч, в придачу прощение всех прошлых преступлений и трех будущих, независимо от их тяжести, за исключением измены короне.

Тибор склонился в низком поклоне, главным образом для того, чтобы скрыть изумление, буде оно выползет наружу, несмотря на давно выработанную привычку к самоконтролю. Насчет сердца – это не варварство из страшных сказок, вернее, не просто варварство. Это способ пленить сущность, чтобы та не смогла родиться во плоти заново, не стала призраком или не ускользнула туда, где ее никакой волшебной силой не достанешь. Извлечь сердце нужно сразу после смертельного удара, чтобы дух не успел уйти. Так поступают с теми, кто

представляет серьезную угрозу. Тибору уже случалось выполнять задания такого рода, хотя и нечасто.

– Понадобится шкатулка с запечатывающими рунами, ваше высочество.

Принцесса вынула из сумки коробочку, покрытую вязью гравировки – в самый раз под человеческое сердце.

– Простите, ваше высочество, последний вопрос. Речь идет не о Гонбере?

– Речь о том, кто изображен на портрете и о ком написано в досье. Ты окажешь мне большую личную услугу, если принесешь назад не пустую шкатулку.

Еще один низкий поклон. Провожатый ждал за дверью.

Уже отойдя от дворца, снаружи столь великолепного, что воспоминание о спрятанном за этими стенами грязном хозяйственном двореке казалось оскорбительным наваждением, Тибор наконец-то определил, чем его озадачило пойманное магическим зеркалом лицо жертвы. Невозможно сказать, красивое оно или некрасивое. А с другой стороны, какая, к Унбарху с Тейзургом, разница... Троллям, пока он будет охотиться, предстоит париться в «Червонном замке», они в таком деле не подмога.

– Рис! Ри-и-ис!

Ференц метался по сонному кварталу, как подраненный заяц. Поскорее найти Риса, он же все-таки маг, пусть недоученный и неправильный, но маг, вдруг что-нибудь сможет... Одни хоромины были похожи на увеличенные в тысячу раз стеклянные безделушки, другие поражали громадными куполами в лепных узорах и каменными колоннами, покрытыми ветвящейся резьбой, третьи вообще ни то ни се, причудливые дома-головоломки сплошь в мозаиках – такое нарочно не придумаешь, даже если мозги соскочат с петель. И все выглядят одинаково необитаемыми.

– Ри-и-и-ис!..

– Чего кричишь?

Ференц обернулся.

Он стоял возле угла. Тонкий, настороженный, глаза выжидающе блестят из-под темных прядей.

– Рис, колотилово у нас! Короче, шмыранулись, Живодер утащил Хенека Манжетку. Я не знаю, что делать...

Последняя фраза прозвучала не по-взрослому жалобно. Манжетка был для Ференца вроде младшего брата, о котором надо заботиться. Чтобы именно с ним приключилась такая жуть – это как удар под дых в тот момент, когда ничего подлого не ждешь.

– Идем. Показывай дорогу.

Они бегом домчались до закоулка, где топталось еще несколько нижнереченских. Пацаны выглядели жалкими и растерянными, как пойманные крысята.

– Там, – Ференц ткнул пальцем в сторону нежилого купеческого особняка, который прошлым летом затеяли перестраивать, но после банкротства купчины забросили, не доделав. – Живодер пришел, будто покупатель, а Манжетка к нему подкатился, типа местный, все показать, хотел втихаря кошелек из кармана вытянуть.

– Он не кричит, – испуганным шепотом добавил кто-то из мелкоты.

– Придурки... – со злостью процедил Рис. – «Ведьмина пастила» у кого-нибудь есть?

– У меня, кажись, была.

– И у меня...

Разом снеслись, хотя «ведьмина пастила» – это не что-нибудь, это вещь! Ведьмы и прочие маги ее жуют, чтобы видеть и чувствовать, что происходит на расстоянии, а обычные ребята – для простого человеческого удовольствия. Интересно, словно смотришь цветные

сны, хотя картинки наплывают друг на друга, наматываются в дикий клубок, который становится все больше и больше, да после тебя еще и ломает.

– Давай сюда.

Рис выхватил из грязных пальцев у Джоги Гвоздя ноздреватую пастилку, отломил кусочек, сунул в рот и энергично задвигал челюстями, усевшись на землю возле ржавого рыла водосточной трубы. Сесть – это обязательно, после этой штуки все равно не устоишь на ногах.

Выплюнул изжеванный комок, прикрыл глаза. Прислонился затылком к серой штукатурке. Побледневший, губы зло сжаты, длинные каштановые ресницы подрагивают.

Все уставились на него и непонятно чего ждали. Особняк, ошетилившийся прогнившими лесами, казался страшным, как выкопанный прошлогодний гроб.

Соседние дома тоже выглядели вымершими. То ли там никто не живет, то ли здешние обитатели сообразили, что рядом творится что-то скверное, и решили не подавать признаков жизни, пока все не закончится.

– Нашел! – хрипло произнес Рис, и его узкое, наполовину занавешенное челкой лицо скривилось, как будто он собирался разреветься. – Ференц, извини, Хенеку уже не помочь. Надо, чтобы он поскорее умер. У него больное сердце, но эта гадина не дает ему умереть.

Ференц уже не стоял, а сидел на мостовой напротив Риса, но башка, несмотря на дрожь и тошноту, соображала, и он предложил:

– Забраться туда и бросить ножик? А потом сразу тикать... Хоть это сделаем!

– Подожди, – не открывая глаз, остановил Рис. – Я сам.

По его напряженному худому телу прошла судорога, лохматая голова запрокинулась. Он по-звериному оскалил зубы, обнажив десны, и сделал движение челюстями, как будто перекусывал что-то невидимое.

После этого обмяк, прислонился к стене и открыл глаза. Мутновато посмотрел на Ференца.

– Хенек умер. Я... вроде как разорвал привязь... и он смог уйти на ту сторону.

– Не разорвал, а перегрыз, – уважительно возразил Петруш-малолетка. – Мы видели.

– Мотаем куда-нибудь. Гонбер сейчас оттуда выйдет.

Они всей шарагой забились в ближайшую подворотню. И Риса, и Ференца шатало, как пьяных. Повытаскивали ножи, только сунься Живодер – утыкали бы его сплошняком, как подушечку для иглоков.

– Он отправился в другую сторону, – нарушил отчаянную, хуже крика, тишину негромкий голос Риса. – Не хочет нарваться.

– Испугался нас? – пискнул кто-то из младших.

– Он не знает, что это мы. Ему помешало что-то непонятное, и он решил не связываться.

Он осторожный. Подумал, наверное, что имеет дело с магом.

– Так ты и есть маг! Ослы они, если такого, как ты, выпнули из своей школы.

– Я не маг. Я колдовать не умею.

– Ну а что ты сейчас сделал?

– Это не магия.

– А что тогда?!

– Не знаю.

Ференцу хотелось заплакать, выругаться, кого-нибудь пырнуть ножом – Гонбера или другую такую же суку. Остальным в общем-то все равно, еще один пропал, бывает: то кургузы заметут, то в драке зашибут, а еще есть демоны, чокнутые маги, упыри... Смерть может подстергать тебя за каждым углом, Хенек Манжетка не первый и не последний, но для Ференца он был закадычным другом.

– Идите без меня, – выдавил Берда-младший. – Я потом.

Нижнереченские гурьбой повалили прочь. Всем хотелось поскорее отсюда смыться.

Ференц медленно, делая каждый шаг через силу, направился к особняку. Серые от вьевшейся грязи леса, брошенные строительной артелью, пошатывались и поскрипывали, поэтому он не сразу уловил звук шагов за спиной. Развернулся, мгновенно вспотев и нащаривая в кармане нож – и с невероятным облегчением выдохнул, увидев Риса.

– Я тоже туда.

Ференц молча потащился дальше. Вдруг все это окажется ошибкой, и Хенек там живой, раненый, но живой, и его еще можно вылечить... Толкнул ногой тяжелую дверь. Ага, замок сломан. Выстуженная пыльная зала без мебели. Где-то наверху жужжат мухи.

– На втором этаже, – тихо прошелестело позади.

Острый запах крови и кала. Полутемная комната, блеклые журавли на обоях, заляпаный пол. То, что привязано к вбитым в стенку скобам, выглядит, как частью выпотрошенный труп. И хорошо, что Хенек уже труп, Живодер привык растягивать удовольствие.

Отведя взгляд, Ференц пробормотал заупокойную молитву, обращенную к богу смерти Акетису, Кадаху Радеющему и богине милосердия Тавше. Сделать для друга что-то еще он был не в силах.

– Все теперича, пошли.

Его опять начало пошатывать.

– Подожди!

Рис присел, обмакнул кончики пальцев в кровь.

– Я убью Живодера. Слышишь меня, Хенек... И все остальные. Я его убью, – встал, взглянул на Ференца. – Теперь идем.

На улицу вышли молча. Добрели до поворота.

– Тут недалеко есть винная лавка, – сипло вымолвил Берда Младший. – Возьмем чего-нибудь, а? Иначе худо станет.

– Ага, – согласился Рис, морщась.

У него сейчас башка должна болеть. Употребил он немного, не то что те, кто эту дурь жуеет и жуеет и остановиться не может, но все равно сколько-то времени будет маяться.

Лавка находилась около Механического двора, где мастерят всякие заводные шутовины вроде музыкальных шкатулок величиной с орех или железных рыцарей в человеческий рост. Из-за высокой кирпичной стены доносился металлический перестук, скрежет, лязг, мелодичный перезвон колокольцев, поэтому Ференц не сразу обратил внимание на шум позади. Оглянувшись, приготовившись драпануть, да так и прирос к битой брусчатке: такое шикарное представление не каждый день увидишь!

Сшиблись двое крутых парней. Сразу видно, птицы высокого полета, и в то же время не из благородных. Один лысый, зато с форсистыми усиками, шея вроде не короткая, но толстенная, как бревно, в один охват с головой. У второго морда бритая, жесткая, резкие складки от носа к углам рта, длинные черные волосы с такой густой проседью, что выглядят грязными, хотя он еще не старый.

Оба в клепаной коже, в первостатейных штанах с накладными карманами и чешуйчатых «драконьих» сапогах. Двигаются – засмотришься: не дешевка, бойцы! Скользят по кругу, не сближаясь, изучают друг друга перед атакой. У Лысого в одной руке нож, в другой удавка, у Грязноволосого – тоже нож и кастет с торчащими крючьями. Натуральный поединок посреди улицы. Ференц даже о случившейся беде забыл.

– Идем отсюда, – позвал Рис тревожным надтреснутым голосом.

– Давай до конца доглядим. На кого ставишь?

– Линяем скорее, пока они не закончили.

– Да им же нет до нас дела!

– Есть, – он произнес это таким тоном, что Ференца пробрало. – Победитель нас убьет.

Точняк, если набегут кургузы – начнут трясти свидетелей, поэтому тот, кто уцелеет, постарается замести следы. Хоть Рис и странный, котелок у него варит.

– Линяем, – с сожалением согласился Ференц.

У поворота оглянулся через плечо: схватка продолжалась, Лысый попытался накинуть на врага удавку, но Грязноволосый подставил крючья кастета, крутанул и вырвал шнурок. Эх, жаль, нельзя досмотреть... Но Рис прав, таким парням досужие зрители не нужны.

– Пошли сюда.

Обнаружив, что его ведут к одуряющее красивой сонной хоромине с выпуклыми, как стрекозиные глаза, громадными окнами, Ференц оторопело мотнул головой и уперся на месте.

– Ты чего, это же могила, там четверо то ли пятеро домопроходцев подохло!

– Со мной не подохнешь. Надо где-нибудь переждать, те двое нас видели.

Берде Младшему стало досадно: сдрейфил, как малолетка из хорошей семьи. Все же знают, что для Риса эти многоэтажные ловушки – все равно что дом родной.

– Ладно, заметано, пошли, – он независимо шмыгнул носом и выпятил грудь.

Хоромы по всем статьям оказались хоромами: белые лестницы, синие и бирюзовые потолки, по стенам удивительные цветы из волшебного светящегося стекла, на гнутых серебряных стеблях. Поднялись на четвертый, кажется, этаж, в зал с широченным окном-фонарем, за которым громоздились неказистые серые крыши и дымили трубы. А напротив окна словно бы нет никакой стены: выход в сад, незнакомые деревья окутаны пеной бахромчатых нежно-розовых соцветий, сияет ласковое солнышко...

Ференц шагнул туда – и уткнулся в невидимую преграду.

– Это не настоящее, – сказал позади Рис. – Не то магическая фреска, не то вовсе наваждение. Разве ты никогда о них не слышал?

Слышать-то слышал, но ни разу не видел. Сконфуженно ухмыльнувшись, Ференц извлек из кармана добытую в лавке бутылку портвейна «Багряный кулак». «Багряный» – потому что цвет такой, а «кулак» – потому что вырубает. Ему хотелось вырубиться, чтобы хоть на время забыть о том, что висело на стенке в купеческой развалине.

Выковырял ножом пробку, отхлебнул из горлышка, сунул выпивку Рису. Тот слыл таким трезвенником, что смех один, однако сейчас отказываться не стал, тоже отхлебнул. Небось развезет его. Но что бы он по пьяни ни отколол, Ференц не дурак, чтобы потешаться над парнем, который способен зубами перегрызть незримую нить, соединяющую дух с бранным телом.

Рис поставил «Багряный кулак» на пол, разжал перемазанные засохшей кровью пальцы. Ага, он же поклялся на крови, что убьет Гонбера... Такими обещаниями не бросаются. Ференц схватил бутылку и снова отхлебнул, чтобы прогнать жуть, и тут его осенило:

– Рис, послушай... Разве ты не можешь Живодера так же прикончить? Ну, жевануть «пастилы» – и отправить его в небеса, как воздушный шарик, и пусть его сучью душу демоны слопают!

– Думаешь, я не пробовал? Помнишь, я зимой выпросил у вас «пастилу», полторы плитки? Я с нее не просто так торчал, а пытался достать Живодера. Насмотрелся тогда, что он делает... Научился освобождать тех, кого он мучает, но его самого таким способом не убьешь. Его держит не нить, а много канатов, которые уходят в разные стороны.

– А-а... – отозвался Ференц, снова протягивая бутылку, и, дождавшись, когда Рис выпьет, спросил: – Не боишься его?

Пожатие плечами.

– Боюсь, но не больше, чем других таких же уродов.

– Не брешешь? – Берда Младший решил, что он хорохорится.

– Не-а... Знаешь... – еще один затяжной глоток. – Я по-настоящему боюсь только одного человека. И это не Гонбер.

– А кто?

– Хотел бы я знать, кто. Помню только его взгляд, и еще то, что он швырнул в меня ножом, но промазал.

– Здесь, в Эонхо? Так чего нам не сказал, мы бы его, подлюку...

– Не здесь, раньше. Там было солнце – слепящее, жаркое, злое, нож еще блеснул, как зеркало. И вокруг стояли какие-то люди. Больше ничего не помню.

– Ты же тогда совсем мелким был, точно? И у этого долбанутого на такую детишку рука поднялась, во гад...

– Н-нет, – с пьяной запинкой возразил Рис. – Я был, как сейчас... Вз-з-рослый...

– Тогда я чего-то не прорубаю...

– Я тоже не прорубаю, но все это было взаправду – солнце, взгляд, нож. Не помню, какое у него лицо и глаза, но этот взгляд я бы узнал где угодно. Он меня долго искал. В лесу... Хороший такой был лес – уютный, теплый, еды навалом. Он остановился, как будто чувствует, что я рядом, а я на него из кустов смотрел, через траву. Замер, почти не дышал, хотя сильно злился, что он меня ловит, и боялся по-страшному. А он тоже был очень зол, что меня никак не поймать. Пробормотал что-то вроде: «Ну, ты мне только попадись, наконец!» – и отправился дальше. Потом я на дерево залез, а он внизу прошел. Хотелось прыгнуть сверху ему на загривок и вцепиться в горло или хотя глаза выцарапать, но я побоялся. Он бы со мной справился. Д-долго меня искал, н-но н-не наш-ш-шел... – язык у Риса все сильнее заплетался.

– Тебя н-нипочем не па-ма-ешь!.. – с пьяной сердечностью подбодрил приятеля Ференц, успевший завладеть бутылкой и выдуть все, что там оставалось. – И выцара... выцете... цепе... бы... Пра-а-ильно, еси он гад... А че он такой гад, а?..

– А он про мя знает... что эт-та я... их всех... Я там всех убил... и его тож-же убил... Вооще всех...

Рис вдруг разрыдался, глухо и надрывно, уткнувшись лицом в ладони.

– Н-не плачь, т-ты же крутой... – утешал его Берда Младший. – Усе будет в сахаре... П-падлами будем...

Они уснули в обнимку на полу, под чудесной фреской, где тоже наступила ночь, взошли сразу две луны, и в бархатной темноте вспыхнули звезды, светлячки, желтые звериные глаза – словно там настоящий сад, а не обманка. Это Ференцу запало в душу, а о чем разговаривали, пока пили, он на другой день припомнить не мог.

Его скрутило жестокое похмелье. Рису было еще хуже, тот ведь перед портвейном жевал «ведьмину пастилу», а это смешивать нельзя, каждый знает, что нельзя, но кто бы вчера об этом вспомнил! Бледный, как мертвец, щеки ввалились, под глазами синяки, всего трясет. Нажрались, как два остолопа, но после того, что случилось с Хенеком, лучше нажраться, чем съехать с ума.

Сортир в этой хорошине оказался таким же роскошным, как все остальное: нарядные изразцы, толчок из белоснежного фаянса, золоченый рукомоиник с теплой водицей, которая, правда, скоро закончилась. Ференцу даже неловко стало, когда они там все заблевали – такую-то красоту!

Для опохмелки ничего не нашлось, зато на другом этаже был ящик с канфой, которая сама собой наливалась в чашки – и черная, и с молоком, и со сливочной пеной. Чашку Ференц втихаря запихнул в карман, да Рис и не возражал.

– Ты не помнишь, что я тебе вчера рассказывал?

– Да мы чего-то за жизнь трепались. Ты говорил про какого-то хмыря с ножом, про лес... Разве сам-то забыл?

– Про нож и про лес – это да... Но мне сейчас кажется, что я после той гремучей смеси багряного пойла с «пастилой» вспомнил что-то важное, а теперь опять забыл, – Рис глядел затравленно и в то же время решительно. – Мне надо знать, что это было.

Отупевший с похмелья Ференц честно попытался выловить из омута вчерашней пьянки что-нибудь еще, но не преуспел, а потом его осенило:

– Да тебя просто вышибло, с гремучей-то смеси! Хоть кого бы вышибло. Бред какой-нибудь в башке заварился, вот и все. А страшное мы с тобой видели по правде, – на душе стало тягостно, как будто потянуло гнилью из вонючего стылого погреба. – Хенек. Не забыл?

Рис кивнул и сжал пальцы в кулак, словно подумал о своем обещании перед растерзанным трупом Хенека.

Боги, он же всерьез... Он и впрямь собирается объявить войну Гонберу Живодепу! Ференцу стало жутковато и захотелось домой, под крыло к деду.

Рис был уверен: вчера ему вспомнилось что-то очень-очень страшное. Такое, что лучше умереть, чем об этом помнить. Потаенное воспоминание и ужасало, и притягивало, словно запретная картинка, но сейчас, на трезвую голову, до него никак не дотянешься. Разве что повторить эксперимент с портвейном и «ведьминой пастилой»... При одной мысли об этом Риса затошнило: желудок загодя известил хозяина о своем несогласии.

Взгляд. Нож, как зеркало. Солнце. Кажется, еще и песок. Что там было, и было ли оно вообще?

На третье утро он почувствовал голод. В таком состоянии на рынок лучше не ходить: поймают за шиворот и в лучшем случае отметелят на месте, в худшем – сдадут кургузам. Остается сидеть в сонном доме и ждать «наката». Когда накатит, он запросто разживется крысой или голубем... И неизвестно, что еще натворит.

Последний вариант – отправиться на хазу к нижнереченским. Там его всегда приютят и накормят, так велел старый Берда.

Дневной свет резал глаза, голова временами кружилась. День был ветреный – Харнанва резвился всюду, прыгал с крыши на крышу, задирали юбки, срывал шляпы, крутился волчком на перекрестках. Никакого сравнения с его бешеным зимним братцем, и все равно пару раз Риса чуть не свалило с ног. Впрочем, Пес Весенней Бури тут ни при чем, просто он сейчас очень слаб. Точь-в-точь голодающий житель трущоб с крамольной листовки, призывающей прогнать богачей и поделить их добро поровну между бедными.

До нижнереченской хазы он добрался к полудню. На другом берегу свинцово-серой Аваны, за бревенчатым мостом, толпились приземистые дома из темного кирпича, всем своим видом словно предупреждающие: если ты чужой, сюда лучше не суйся. К Рису это не относилось, он находился под покровительством старого Берды, и вся местная шатия его знала. Без приключений доплелся до калитки в добротном заборе, караульщик впустил его внутрь.

– А, маленький маг... Давай, заходи.

Дальше был еще один такой же забор с калиткой, а потом еще. Тройной рубеж обороны, квартал-крепость. Это на случай войны между бандами или карательного рейда, чтобы за здорово живешь не вломились.

В доме было темновато, но убранство богатое, много всякого позолоченного. Даже хорошо, что полумрак: вся эта шикарная утварь, которая раньше где-то плохо лежала, а теперь украшает резиденцию Берды, мерцает красиво и таинственно, и не видно ни грязи в углах, ни шныряющих по стенам тараканов.

– Рис? Иди сюда. Спасибо, что упокоил по-божески нашего Хенека, он был славным парнишкой, – это Ваита, тетка Ференца, рослая, плотная, с театрально подкрашенным гру-

боватым лицом. – Ты, что ли, приболел? Дай-ка, лоб пощупаю... У тебя жар. Что-нибудь скушаешь?

Напоила его капустным рассолом, накормила куриным супом и дала микстуры от горячки. Потом уложила спать на топчане под ватным одеялом, в комнатушке, где он и раньше иногда ночевал.

– Не слушай наших пацанов, они все дурни, один другого дурнее, и Ференц тоже хорош, – журчал над ним осуждающий голос Ваиты. – Если тебе нельзя пить – значит, нельзя, и больше их не слушай, понял?

Рис что-то невнятно пробормотал, соглашаясь, и с головой провалился в сон.

Ему приснился Коридор.

Город Танцующих Огней в тысячу раз лучше Эонхо, но это не легендарное Безбедное королевство, там есть свои опасности и ловушки. Коридор – один из тамошних кошмаров, хотя и не настолько жуткий, как Мост-через-Бесконечность с хрустальным гробом у подножия.

Это был сон из повторяющихся. Рис увидел его впервые, когда учился в Школе Магов. Второстепенные детали менялись – одежда его спутницы, очертания темного окна в дальнем конце, потолок (то сводчатый, то плоский), пол (то паркетный, то плитчатый, то сплошной без единого стыка), лепные карнизы (то они есть, то их нет), форма дверных ручек – но содержание оставалось одно и то же.

Ночь. Широченный коридор, какие бывают во дворцах и в сонных хороминах. Они туда ворвались, спасаясь от погони. Они – это Рис и Ренарна, о которой поют баллады и рассказывают истории. Их вот-вот настигнет что-то ужасное, оно вломилось в дом следом за ними. Сгусток мрака с широко расставленными глазами величиной с блюдца – эти глаза светятся, заливая белым сиянием весь длинный коридор, и видна каждая царапина, каждая пылинка на полу, из-под ног у беглецов тянутся длинные тени. Чудовище плывет, как рыба в воде, не касаясь пола, но задевая боками стены. Рис больше надеется на свою спутницу, чем на себя: он в этом сновидении просто городской стражник, а она, как и наяву, прославленная воительница. То, что за ними пришло, внушает ему цепенящий ужас, потому что в глубине души он понимает, откуда оно взялось, но это беспощадное понимание мечется в подвале его сознания и никак не может пробиться наружу. Рис на бегу вытаскивает из кармана оружие – небольшой предмет, не похожий ни на лук, ни на арбалет, однако стреляющий чем-то смертоносным – и, зажмурившись от бьющего в лицо слепящего света, парой выстрелов навскидку поражает черную тварь в оба глаза. Звон, словно разбили стекло, спасительная темнота. Спутница выхватывает у него оружие и третьим выстрелом добивает чудовище. Потом они отскакивают с дороги, Ренарна одним ударом высаживает ближайшую дверь и втаскивает его, все еще ослепленного, в комнату, а мертвая туша, скрежеща боками о стены, проплывает мимо...

Сердце бешено колотилось – как всегда после Коридора. Надо, обязательно надо разыскать госпожу Ренарну и спросить у нее про город Танцующих Огней. Неспроста же она ему снится, и в этих снах они друзья... А что она иначе выглядит – какое это имеет значение, если тот же, к примеру, Коридор тоже может выглядеть по-разному? Важно главное, а не мелкие подробности.

Рис несколько раз моргнул, пораженный этим очевидным выводом. Вот бы это пришлось ему в голову раньше, в доме у Венусты Лурлемот!

В горле дико пересохло, и надо поскорее отлить. Сначала второе, потом первое. Он добрел в потемках до уборной, а на обратном пути завернул в комнату рядом с кухней, где стоял большой бак с гравировкой на посеребренных боках и хитроумно сделанным краником. Нижнереченские его, против обыкновения, не сперли, а купили в позапрошлом году на

Ярмарке Ремесел. Рис взял с накрытой клеенкой тумбы жестяную кружку, нацедил воды, с жадностью выпил.

– Что, маг, не спится?

На пороге стоял белобрысый Юшел. Личность из тех, от кого Рис старался держаться подальше. К поясу с пижонской фигурной пряжкой прицеплен короткий меч и дубинка – видимо, этой ночью он караулит.

– Сейчас пойду спать, – резковато, чтобы сразу отстал, отозвался Рис.

– Ты, говорят, перепил и болеешь? Ну, бывает, бывает... Пошли, я тебя провожу, чтобы не запнулся по дороге.

Рис вывернулся из теплых потных рук, отступил.

– Юшел, отвали. Я хоть и болею, но по рожу съездить могу, а потом Берде все расскажу.

– Да кто тебя трогает, – вздохнул белобрысый караульный, признавая свое поражение. – Нужны мне больные на голову маги... Я от чистого сердца, помочь хотел!

Ага, помочь... Рис побрел к своему закутку. Почему такие, как этот Юшел, к нему липнут, как мухи на мед? Не забывать о том, что этот тип опасен. Нападет вряд ли, но подсыпать какое-нибудь дурманное снадобье может запросто. Не брать у него ни еду, ни питье, особенно если рядом никого больше нет.

И вдруг Риса пронзило острое, как игла, чувство прощания: можно забыть о Юшеле, они больше не увидятся, и в этом доме он находится в последний раз. Это ощущение его накрыло, как тень от облака. Остановившись посреди коридора, освещенного тусклой масляной площадью, он схватился за стенку, чтобы не упасть. Скоро что-то исчезнет – или нижнереченская хаза, или он сам.

Тибор дожидался известий в домишке на берегу Аваны, у бедной вдовы, которая обстирывала и обштопывала всех желающих и заодно приторговывала своим телом – дряблым, невымытым, вонючим, в белесых оспинах. Перед тем как в очередной раз ее поиметь, он глотал возбуждающие пилюли, и все равно было противно, а вдовица попалась похотливая и любвеобильная. Если б она хоть изредка мылась с мылом... Но бережливая женщина мыло покупала только для стирки и на всякую блажь зазря не переводила. Тибор обитал у нее в качестве спившегося наемного солдата, найденного под забором: негоже вполне еще справному мужику на улице валяться.

За эти несколько дней он залатал дырявую крышу, один раз сломал и два раза починил входную дверь, разнес в щепки чью-то лодку, потому что запнулся и обиделся на мировую несправедливость. Ему полагалось пить и орать, и он всю бушевал, привлекая внимание огорченных таким соседством местных обывателей.

Только одну вещь он сделал тихо, практически бесшумно, хотя и с немалым удовольствием: заколол и утопил в мутных водах Аваны бродячего продавца дешевых благовоний. Небезызвестного Клаурехта, второго из своих конкурентов в нынешнем деле.

Первого, Ваку Траша, или Душителя Ваку, он еще раньше прирезал на улице. С какой же дрянью якшается ее высочество... Она сказала, однако, что их будет четверо. Значит, остался еще один. Как минимум. Вполне может оказаться, что убийц пятеро, шестеро... Чем же Лорме так досадил этот демоненок, на которого идет охота? Или чем он опасен? Или и то и другое? Или сформулируем вопрос иначе: почему она его боится?

Бастард изгнанного и безвестно сгинувшего принца Венсана? По возрасту подходит, но к чему тогда морока с сердцем? Претендента на корону достаточно просто порешить. Либо вечно юная ругардийская принцесса начинает незаметно для окружающих впадать в маразм, либо здесь кроется какая-то загадка.

Загадки Тибор любил. Занимают ум, отвлекают, знаете ли, от тоски. Поймав жертву, он сначала с ней побеседует, а потом уже вырежет затребованное Лормой сердце.

Стук в дверь. Шпион из местных. Запыхавшийся, сопливый, глаза вороватые.
– Он уходит... Через мост... Я бегом к вам... Серебряный рафлинг, помните?

Тибор бросил поганцу обещанную монету и выскочил наружу. Прощайте, невымытые телеса, блохи, скрипучая кровать и нижнереченская сивуха, которую он на самом деле не пил, опасаясь травануться, только во рту полоскал для запаха, и то его каждый раз передергивало. Если с сердцем дело выгорит – вернуться сюда и прилюдно удавить паскуду-трактирщика, пусть это будет одно из трех дозволенных преступлений... Впрочем, Тибор подумал об этом не то чтобы всерьез: здесь все закончилось, и как только мерзкий запах выветрится, ему станет наплевать на здешнего барыгу с его неординарным пойлом.

А клиент уже далеко, тонкая фигурка на другом конце моста. Не хватало сейчас его упустить.

Тибор бросился за ним. Парень в прошлый раз его видел, но узнать не должен. Волосы заплетены в косу, трехдневная щетина, морда красная, живописно опухшая – утром и вечером втирал в кожу специальную мазь. Довершает картинку рваный и грязный плащ. Пьянчуга, очумевший от белой горячки.

На другой стороне Аваны он завернул в подворотню, чтобы избавиться от верхнего плаща и отвратительных мешковатых портков. Маскарад в духе сожителя вдовицы. Одежда у него была многослойная, теперь он остался в штанах вполне респектабельного вида и плаще покороче, из хорошего темного сукна.

Бросив рвань, Тибор вынырнул из-под осклизлых сводов и пошел за клиентом, сохраняя дистанцию. Амулеты на нем достаточно мощные, чтобы тот не почувствовал преследования, но кроме ощущений есть еще и глаза. Если не хочешь неприятностей, надо ими пользоваться и глядеть в оба.

Парнишка по сторонам не смотрел. Напрасно. Хотя, даже если бы смотрел, это бы его от Тибора не спасло.

Вокруг не видно никого, кто мог бы сойти за четвертого конкурента, но расслабляться не стоит. Четвертый может быть бестией похитрее, чем Клаурехт или Душителъ Вака. Мысль о том, что он может оказаться хитрей самого Тибора, хорошего настроения не добавляла.

День выдался пасмурный, как будто с самого утра начался вечер. В воздухе колыхалась влажная серая кисея, мостовые превратились в каналы жидкой грязи. Надо отдать должное герцогу Эонхийскому, каналы мелкие: всего лишь блестящий слой бурой слякоти, а не тряпина, в которой по колено увязнешь, но для того, чтобы изгваздать сапоги, этого хватало с лихвой.

Впрочем, если взглянуть на вещи философски, сегодня Тиброру не придется барахтаться в этой грязи ради поддержания своей репутации в глазах обитателей Нижнеречья, уже радость. Вдобавок, в такую скверную погоду каждому хочется поскорей оказаться дома, у камина, с чашкой горячей канфы или подогретого вина с пряностями, прогоняющими простуду, и если кто-то на кого-то на улице напал – это, право же, их личное дело, а то и вовсе померещилось.

Веселое красочное пятно посреди городской хмари – лоток с апельсинами под желто-голубым полосатым навесом. Скособоленная старушка с мутными слезящимися глазами и печатью смерти на морщинистом личике вытряхнула на прилавок несколько медяков из засаленного кошелька.

– Не хватит, – втолковывал ей румяный молодой продавец. – Даже на один не хватит. Приходи завтра. Если будут подгнившие, хозяин сбавит цену.

Бабка что-то прошамкала, собрала свои гроши и поковыляла прочь. Не доживет она до завтра, помрет ночью или под утро. Разглядеть на лице человека печать Акетиса дано не каждому, но Тибор это мог.

Клиент, тоже замешкавшийся возле лотка, уже не торопится вперед, а крадется следом за старушкой. Хочет вырвать кошелек? Дурак, видел же, что там всего ничего. Или решил вломиться к ней домой и поискать записку, о которой выжившая из ума хозяйка давным-давно забыла? Тибор ухмыльнулся: тем проще будет тебя взять.

Старуха дотащила до своей трущобы, начала взбираться на дощатое крыльцо.

– Бабушка! – окликнул ее остановившийся возле нижней ступеньки парень. – Это вам, возьмите.

В руке у него оранжево сверкнул апельсин.

– Храни ты Тавше, милоч, – прошамкала бабка.

– Обязательно съешьте его сегодня. На завтра не оставляйте. Сегодня, хорошо?

«Правильно, ведь до завтра она не доживет», – машинально отметил Тибор, немало озадаченный этой сценкой.

Произошло не то, к чему он приготовился.

Мальчишка отправился дальше, ускоряя шаг. Заметил ли он слезку, непонятно. Скорее, нет, иначе драпанул бы со всех ног. Амулеты Тибора не дают ему почувствовать, что по пятам идет охотник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.